4В96
И75

572 (57.3)
Д396
Ч75

В. Іохельсонъ.

Проверено 1955 г.
Хабаровская краевая научная библиотека

БРОДЯЧІЕ РОДЫ ТУНДРЫ

между

рѣками Индигиркой и Колымой,

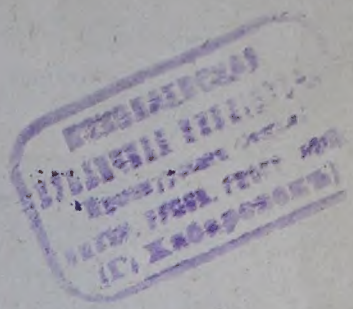
их ъ этническій составъ, нарѣчіе, бытъ, брачные и иные обычаи и взаимодѣйствіе различныхъ племенныхъ элементовъ.

ДВ краевая научная библиотека
БИБЛИОТЕКА Хабаровск. краевого гос. музея

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія князя В. П. Мещерскаго, Спасская ул. 27.
1900.

Проверено
1940 г.

Отдѣльные оттиски изъ журн. «Живая Старина» вып. I—II 1900 г.



Бродячіе роды тундры между рѣками Индигиркой и Колымой, ихъ этническій составъ, нарѣчіе, бытъ, брачные и иные обычаи и взаимодѣйствіе различныхъ племенныхъ элементовъ *).

Бродячее населеніе тундры между рѣками Индигиркой и Колымой ничтожно количествомъ. На пространствѣ приблизительно въ 60,000 кв. верстъ, кочуютъ всего около 800 чел., что составляетъ 75 кв. вер. на одного человѣка. Но для народовѣдѣнія населеніе это представляетъ интересъ не малой важности.

Во первыхъ мелкіе роды, кочующіе на указанной тундрѣ, разнообразны по своему племенному составу и у нихъ именно этнологія можетъ получить любопытный матеріалъ для прослѣживанія взаимнаго вліянія другъ на друга въ духовномъ, матеріальномъ и физическомъ отношеніяхъ представителей разнородныхъ этническихъ группъ. Тамъ отношенія между племенами не отличаются сложностью взаимовліяній большихъ и культурныхъ народовъ, исторія столкновеній между собой отдѣльныхъ родовъ не отличается древностью и при внимательномъ изученіи, не трудно разобраться въ процессѣ взаимодѣйствія пришлыхъ племенъ, каковы: тунгузы, ламуты, якуты и русскіе пришельцы, и аборигеновъ страны — юкагировъ, чукчей и др. Во вторыхъ бытъ и нравы полярныхъ обитателей тундры нашего крайняго сѣверо-востока весьма мало извѣстны образованной публикѣ, ибо рѣдко кто изъ путешественниковъ имѣлъ возможность ихъ наблюдать, а тѣ незначительныя свѣдѣнія, которыя попадаются о нихъ въ этнографической литературѣ не отличаются особой точностью.

Главною цѣлью моего изученія въ бытность мою членомъ Якутской экспедиціи въ 1894—97 гг. было маленькое и вымирающее, но любопытное племя юкагировъ, которыхъ этнологи причисляютъ къ такъ называемымъ Гиперборейцамъ. Разумѣется въ классификаціонномъ смыслѣ терминъ этотъ ничего собой не выражаетъ и извѣстный этнологъ Пешелъ не даромъ выразился, говоря о нѣкоторыхъ племенахъ Сѣверо-Восточной Сибири и между прочимъ о юкагирахъ, что по отношенію къ нимъ научное зданіе народовѣдѣнія находится еще въ него-

*) Читано въ засѣданіи Отдѣленія Этнографіи Импер. Рус. Географ. Общ. 29-го октября 1899 г.

товомъ видѣ. Съ отдѣльными родами юкагирскаго племени, родами, разбросанными на громадномъ разстояніи другъ отъ друга между р.р. Колымой и Яной, я жилъ и странствовалъ болѣе двухъ лѣтъ. Моей второстепенной экспедиціон-

Двѣ юкагирскихъ молодыхъ дѣвушки съ рѣки Ясачной въ лѣтнихъ костюмахъ.

ной задачей было изслѣдованіе полярныхъ якутовъ. Разумѣется, что въ той или иной степени пришлось также знакомиться съ другими племенами, съ которыми обѣ названныя народности приходятъ въ столкновеніе. Изслѣдованіе юкагировъ меня привело также къ бродячимъ родамъ Колымской тундры, на которой я провелъ Январь, Февраль и часть Марта 1897 г., и свѣдѣнія, которыя будутъ приведены въ настоящемъ очеркѣ, заимствованы изъ собран-

собранныхъ мной, но необработанныхъ еще матеріаловъ для составленія монографіи о юкагирскомъ племени *).

Отъ края лѣсовъ, приблизительно отъ 68° с. ш., къ югу живетъ сѣверный осколокъ тюркскаго племени якутовъ, пришедшихъ въ полярный край со скотомъ въ весьма недалекомъ прошломъ изъ Якутскаго округа, но теперь на половину только оставшихся скотоводами. Къ сѣверу отъ нихъ до береговой полосы Ледовитаго моря бродятъ 4 маленькихъ рода. Два изъ нихъ юкагирскіе: первый и второй Алазейскіе, одинъ родъ Тунгузскій и одинъ Ламутскій. Необходимо тутъ замѣтить, что ламуты и тунгузы суть не отдѣльныя племена, а родовыя названія одного и того же, родственнаго Манджурамъ, племени—тунгузскаго. На самой сѣверной тундрѣ у береговъ океана, преимущественно въ устьяхъ рѣкъ, начиная отъ р. Колымы до р. Шандрона **), живутъ и кочуютъ немногочисленныя чукотскія семьи, недавніе выходцы съ восточныхъ береговъ р. Колымы. Небольшое число чукочъ живетъ еще на притокѣ Индигирки Іерченъ ***) и отчасти въ нижнемъ теченіи р. Алазеи.

Кромѣ того на Колымо-Алазейской тундрѣ то здѣсь, то тамъ можно встрѣтить въ поискахъ за пищей ламутское семейство съ южныхъ отроговъ Алазейскаго хребта или юкагиро-ламутскій лагерь съ западныхъ береговъ Индигирки.

Прежде чѣмъ характеризовать бытовыя особенности бродячихъ родовъ Колымской тундры, необходимо сказать нѣсколько словъ о природѣ края. Весь крайній сѣверо-востокъ Азіи, вопреки обычному представленію о тундрѣ,

---

*) До сихъ поръ на основаніи собранныхъ матеріаловъ напечатаны мной слѣдующія статьи: 1) Замѣтки о населеніи Якутской области въ историко-этнографическомъ отношеніи. Живая Старина, вып. II, 1895 г.; 2) Къ вопросу объ исчезнувшихъ народностяхъ Колымскаго края. Извѣстія Вост. Сиб. Отд. Имп. Русск. Геогр. Общества, т. XXVIII, № 2, 1897 г.; 3) Предварительный отчетъ объ изслѣдованіи инородцевъ крайняго сѣвера Якутской области. (Съ картой маршрутовъ). Изв. В.-Сиб. Отд. И. Р. Г. Общ. XXIX, (1898) стр. 9—25; 4) Очеркъ звѣропромышленности и торговли мѣхами въ Колымскомъ округѣ. Спб. 1898, Труды Якутской Экспедиціи, снаряженной на средства И. М. Сибирякова. Отд. III, т. X, ч. 3; 5) По рѣкамъ Ясачной и Коркодону. Древній и современный юкагирскій бытъ и письмена. Извѣстія Имп. Р. Геогр. Общества, т. XXXIV, вып. 3. 1898 г.; 6) Нѣкоторыя данныя о рыбахъ Колымскаго края. Землевѣдѣніе, III—IV. Москва, 1898; 7) Образцы матеріаловъ по изученію юкагирскаго языка и фольклора. Извѣстія Имп. Академіи Наукъ 1898 г. Сент., т. IX. № 2; 8) Über die, im Auftrage der Kaiserlich-Russischen-Geographischen Gesellschaft, ausgeführte Untersuchung der Völkerschaften der Provinz Jakutsk Bern, 1899. Сообщеніе, читанное мной въ засѣданіи Бернскаго Географическаго Общества 17 ноября 1898; 9) Über die Sprache und Bilderschrift der Jukagiren. Jahresbericht der Geographischen gesellschaft in Bern, 1900. Докладъ, читанный въ засѣданіи Бернскаго Географич. Общ. 29 іюня 1899; 10) In Polargegenden. Ethnographische Skizzen, журналъ Mutter-Erde. Berlin. 1898—99; 11) Скоро выйдетъ: Первый томъ матеріаловъ по юкагирскому языку и фольклору. Юкагирскіе тексты съ переводомъ и примѣчаніями. Изданіе Имп. Академіи Наукъ.

**) Шандронъ—исковерканное юкагирское слово Ш а́ н д-э н у́, что значитъ: лѣсистая рѣка, отъ Шал-дерево, лѣсъ и Энy—рѣка. Верховья этой полярной рѣчки покрыты лиственичнымъ лѣсомъ.

***) На картахъ этотъ притокъ Индигирки названъ Эрченъ, но мѣстные инородцы произносятъ І е р ч е н ъ.

какъ о понижающейся къ морю равнинѣ, образуетъ настоящую горную страну, скалы которой мѣстами вдаются въ океанъ. Къ востоку отъ рѣки Лены до Тихаго океана, мы встрѣчаемъ въ полярномъ краѣ только три значительныхъ равнины: въ среднемъ теченіи Индигирки, на пространствѣ между рр. Алазеей и Колымой и въ области р. Чауна къ востоку отъ Колымы.

Раіономъ кочевокъ тундренныхъ родовъ служитъ вторая низменность, заключенная между западнымъ, «землянымъ» берегомъ Колымы и восточнымъ, холмистымъ Алазеи. Вся эта область покрыта густою сѣтью многочисленныхъ озеръ, различныхъ размѣровъ — начиная отъ бассейновъ въ сто верстъ въ окружности и кончая топями или испаряющимися лѣтомъ лужами. Всѣ озера соединены съ рр. Колымой, Чукочьей, Алазеей или между собою посредствомъ постоянныхъ или временныхъ рѣчекъ, называемыхъ в и с к а м и. Съ птичьяго полета эта страна озеръ должна быть похожа на рѣшето съ неправильными ячеями.

Образованіе этихъ озеръ надо, повидимому, приписать какъ обильнымъ зимнимъ осадкамъ, такъ и рельефу мѣстности. Слой снѣга достигаетъ недѣдко толщины въ два и больше аршина. Не имѣя весной стока, снѣжная вода заполняетъ всѣ углубленія равнины. Хотя рѣки Чукочья и Алазея получаютъ посредствомъ високъ свое питаніе главнымъ образомъ изъ озеръ, но медленное теченіе високъ и ничтожное испареніе воды во время короткаго лѣта способствуютъ сохраненію озерныхъ бассейновъ. Большинство озеръ имѣетъ берега низкіе, болотистые, кочковатые; но надъ нѣкоторыми возвышаются невысокіе земляные яры. Часто одно озеро отъ другого раздѣляетъ валъ или кочковатое мѣсто шириной въ нѣсколько саженъ или даже метровъ.

Климатъ страны является, послѣ такъ назыв. полюса холода около Верхоянска, наиболѣе суровымъ на земномъ шарѣ. Температура падаетъ зимой до—65° Ц. и ниже. Рѣки вскрываются въ концѣ Мая, а около устьевъ—въ началѣ Іюня, и покрываются льдомъ въ Сентябрѣ. На тундренныхъ озерахъ ледъ стоитъ еще въ концѣ Іюня и даже въ Іюлѣ.

Отсутствіе теченія на озерахъ лишаетъ полярную природу механическаго дѣятеля, разбивающаго и раздробляющаго рѣчные льды, а лѣтнее солнце, хотя и не сходитъ съ горизонта, слишкомъ медленно плавитъ 3-хъ аршинную толщу озерныхъ льдовъ.

Почва оттаиваетъ на полъ аршина, самое большее на $^3/_4$ аршина. Собственно говоря, нельзя назвать тамъ верхній слой земной коры почвой, ибо перемѣшанные между собой ледъ, земля и торфъ образуютъ лѣтомъ, когда они оттаиваютъ, тотъ библейскій хаосъ, когда жидкій и твердый элементы еще не были отдѣлены другъ отъ друга. Весь край представляетъ собой лѣтомъ обширное травяное или моховое болото съ многочисленными озерами. Виски, соединяющія озера между собой, часто покрыты болотной растительностью, скрывающей ихъ отъ глазъ неопытнаго путешественника, попадающаго внезапно въ глубокую канаву изъ жидкой черной грязи.

Такимъ образомъ сообщенія въ странѣ лѣтомъ затруднены или вовсе прекращаются. Якутскія лошади края лѣсовъ бродятъ по брюхо въ болотѣ, а на оленяхъ верхомъ можно ѣздить только въ гористыхъ мѣстахъ, съ которыхъ вода легко стекаетъ. На тундрѣ же только склоны холмовъ представляютъ собою какъ бы слабую попытку природы отдѣлить воду отъ суши, но попытку недоведенную до конца. Впрочемъ, такое раздѣленіе элементовъ въ полярной странѣ не имѣло бы особаго смысла, ибо и безъ того всѣ жидкости въ теченіе 9 мѣсяцевъ обращены въ твердыя массы.

Зимой же край, скованный льдомъ, покрытый снѣгомъ и лишенный свѣта, являетъ собой картину того періода въ исторіи земли, когда она, по разсчетамъ астрономовъ, будетъ умирать вслѣдствіе угасанія самаго источника жизни на землѣ — солнца. Стоитъ ему только одно лѣто остаться за горизонтомъ, какъ вся скудная органическая жизнь полярнаго края прекратила бы свое существованіе. Но къ счастью солнце является каждую весну и растительный и животный міръ за короткое лѣто запасается теплomъ и свѣтомъ для длинной зимы. Понятно, что при такихъ климатическихъ условіяхъ матеріальная культура обитателей края должна быть самая первобытная и жалкая. Высокій градусъ широты предписываетъ имъ извѣстный образъ жизни. Тамъ не только земледѣліе невозможно, но, заведенное съ юга якутами почти до 69° с. ш., скотоводство должно вести жестокую борьбу съ суровостью климата. Якуты притундренной полосы, полосы корявыхъ лиственницъ и южнаго предѣла кочевокъ тундренныхъ родовъ, являются уже наполовину собаководами, а свое питаніе они почти исключительно получаютъ отъ рыбнаго промысла на озерахъ.

Что касается до 4-хъ тундренныхъ родовъ, то на особенности ихъ быта, кромѣ климата, вліяютъ еще этническіе факторы. Ихъ образъ жизни, языкъ, вѣрованія и обычаи такъ же смѣшаны, какъ ихъ племенной составъ. Приведу прежде всего нѣкоторыя данныя о происхожденіи и мѣстахъ кочевокъ каждаго изъ тундренныхъ бродячихъ родовъ.

Первый Алазейскій юкагирскій родъ, кочующій теперь по р. Б. Чукочьей, есть остатокъ древняго населенія Большой тундры. Ихъ называютъ Алаями, что значитъ Алазейцы, или Алаи-омокъ т. е. Алазейскій родъ. Свѣдѣнія прежнихъ путешественниковъ, въ томъ числѣ и барона Врангеля, объ омокахъ, какъ объ исчезнувшемъ полярномъ племени, основаны на недоразумѣніи. Омо́ или омо́къ по юкагирски значитъ родъ, и омоки и юкагиры одно и тоже племя. Преданіе же объ исчезнувшихъ омокахъ можетъ относиться только къ тому или другому вымершему юкагирскому роду, а не къ племени.

Второй Алазейскій юкагирскій родъ, называющій себя Эрбеткенъ-омокъ или Дудки-омокъ, кочуетъ по западному берегу р. Алазеи. Эрбеткенъ слово ламутское и означаетъ гусиный, отъ «эрбеть»-гусь. Названіе это связано съ легендой о родовомъ шаманѣ, летавшемъ оборотившись гусемъ. Дудки тоже ламутское слово и означаетъ: на прямки идущій, т. е. человѣкъ, для котораго не существуетъ препятствій. Значеніе этой клички можетъ служить указаніемъ на

юкагирское происхожденіе этого рода, ибо эпическія сказанія рисуютъ древнихъ юкагировъ храбрыми и ловкими воинами. По преданію, этотъ родъ пришелъ на Алазею съ р. Индигирки. И дѣйствительно, обламутѣвшій юкагирскій родъ на Индигиркѣ, оффиціально называемый Каменно-юкагирскимъ, тоже именуетъ себя самъ Дудки. Тѣмъ же именемъ называетъ себя объякутѣвшій Омолойскій юкагирскій родъ на р. Янѣ.

Третій тундренный родъ, кочующій на одной территоріи съ Эрбеткенъ-омокъ и самъ себя называющій юкагирскимъ словомъ Ходейджилъ-омокъ оффиціально числится «Вторымъ каменно-ламутскимъ родомъ» и сохранилъ преданіе о своемъ приходѣ на Алазейскую сторону съ хребтовъ восточнаго, гористаго берега р. Колымы, гдѣ и теперь кочуютъ ламутскіе роды. Но трудно утверждать, чтобы происхожденіе этого рода было чисто ламутское. Въ архивныхъ бумагахъ начала этого столѣтія онъ называется то юкагирскимъ, то ламутскимъ родомъ.

Четвертый родъ Тунгузскій, самый большой, кочующій по тундрѣ между рр. Б. Чукочьей и Алазеей, оффиціально называется Тунгузскимъ Бетильскимъ. По сохранившемуся преданію родоначальники этого рода пришли на тундру съ якутской стороны. Ихъ было семь братьевъ, изъ которыхъ старшій шаманъ. Когда они пришли на «Большую рѣку» *) т. е. рѣку Алазею, шамана заставили шаманить, чтобы узнать отъ духовъ, гдѣ имъ засѣсть. Послѣ камланія шаманъ оборотился въ орла, сѣлъ на дерево и всѣ перья у него выпали. «На этой землѣ дѣти наши жить будутъ», сказалъ онъ. Тогда они поселились на рѣкѣ Алазеѣ. Пошли они вверхъ по рѣкѣ, къ лѣсамъ, встрѣтили якутскую дѣвушку и насильно увели ее; пошли внизъ по рѣкѣ, нашли юкагировъ во время пляски. Увидѣвъ ихъ, юкагиры стали луки и стрѣлы готовить, но тунгузскій шаманъ приворожилъ юкагирскихъ дѣвушекъ, которыя перебѣжали къ тунгусамъ и юкагиры не стали съ ними воевать, помирились. Отъ этого союза произошелъ Бетильскій родъ. Судя по этому преданію, въ генеалогіи рода участвовали не только тунгусо-юкагирскіе элементы, но и якутскіе.

Замѣчу, что Бетильскій родъ имѣется у тунгусовъ, какъ Якутскаго, такъ и Вилюйскаго округовъ.

Всѣ указанные четыре рода, выбираютъ каждый своего князца, но они соединены еще однимъ общимъ выборнымъ лицомъ, именуемымъ «головою».

Роль князцевъ исчерпывается сборомъ съ родовичей ясака, по 1 рублю съ чѣмъ-то съ души въ годъ, и доставленіемъ его Колымскому исправнику. Они еще заботятся объ отправленіи натуральной повинности по провозу зимой на оленяхъ изъ Средне-Колымска на тундру и обратно исправника и священника. Голова же никакой роли не играетъ. Выборъ головы есть наслѣдіе Зашиверскаго Коммисарства, обнимавшаго въ прошломъ столѣтіи два нынѣшнихъ округа Верхоянскій и Колымскій.

---

*) Р. Алазея на тундренномъ юкагирскомъ нарѣчіи называется Чомод-Эну т. е. Большая рѣка.

Тогда голова завѣдывалъ всѣми бродячими родами Полярной части Якутской области, т. е. онъ отвѣчалъ за ясакъ и доставлялъ въ русскія зимовья, такъ называемыхъ аманатовъ т. е. заложниковъ. Еще въ концѣ прошлаго вѣка Зашиверскія власти брали у бродячихъ инородцевъ въ залогъ дѣтей, чтобы

Младшій братъ князца перваго Алазейскаго юкагирскаго рода.

Князецъ Бетильскаго Тунгузскаго рода съ кортикомъ, пожалованнымъ Екатериной II и переходящимъ отъ князца къ князцу.

обезпечить себѣ ихъ покорность и правильное поступленіе ясаку, ибо розыскивать бродячихъ людей на безконечной тундрѣ или въ мало-приступныхъ хребтахъ дѣло не легкое. Бродячіе инородцы сами приносили въ русскія зимовья ясакъ, какъ это и теперь дѣлаютъ. Но случалось, что тотъ или другой родъ забирался

въ невѣдомыя дебри и не являлся нѣсколько лѣтъ. Обязанностью головы было предупредить такое уклоненіе отъ ясачныхъ обязанностей. Большей частью эти «головы» назначались изъ воспитанныхъ русскими аманатовъ. На тундрѣ еще передаются разсказы объ нѣкоемъ «Афонькѣ», бывшемъ головой тундренныхъ родовъ при Екатеринѣ II. Онъ умѣлъ говорить по русски и зналъ даже русскую грамоту. Это искусственное административное объединеніе въ извѣстномъ смыслѣ содѣйствовало ассимилированію различныхъ племенныхъ группъ. По закрытіи въ 1822 Зашиверскаго Коммисарства бродячіе роды къ западу отъ Алазеи и Индигирки причислены были къ г. Верхоянску, а кочевые роды къ востоку отъ Алазеи — къ г. Средне-Колымску. Головой въ то время былъ родовичъ изъ Бетильскаго рода и такимъ образомъ онъ остался завѣдующимъ 4-хъ маленькихъ родовъ. Теперь голова послѣдними выбирается каждые 3 года, и утверждается губернаторомъ, но вся его дѣятельность заключается въ томъ, что при встрѣчѣ исправника онъ одѣваетъ кортикъ и красный пожалованный ему кафтанъ.

Если навязанное тундреннымъ родамъ административное объединеніе въ лицѣ головы чисто внѣшнее, то внутренней, естественной связью между ними служитъ общность языка. Всѣ эти роды говорятъ теперь нарѣчіемъ юкагирскаго языка. До сихъ поръ это тундренное нарѣчіе считали тунгузскимъ языкомъ. Такъ и теперь его называютъ русскіе на Колымѣ. Таковымъ его считали прежніе путешественники и въ томъ числѣ послѣдній путешественникъ баронъ Майдель, видѣвшій тундренные роды и бывшій на тундрѣ въ 1870 г. Впрочемъ, баронъ Майдель, который, въ бытность свою начальникомъ, такъ называемой Чукотской экспедиціи, былъ назначенъ для удобства изслѣдованія временнымъ исправникомъ Колымскаго округа, очевидно, не зналъ также, что въ Верхнеколымской части, управляемаго имъ округа еще сохранился юкагирскій языкъ. Образцы словъ и фразъ, доставленные имъ академику Шифнеру, были имъ записаны на Анадырѣ въ обрусѣвшей юкагирской семьѣ отъ старухи, помнившей еще свой родной языкъ *). Съ того времени малоизученный, но интересный юкагирскій языкъ считался вымершимъ, и еслибъ это было такъ, то лингвистика была бы лишена возможности, когда либо опредѣлить его родство съ той или другой группой языковъ, а этнологія одного изъ средствъ для классифицированія племенъ. Теперь оказалось, что не только языкъ еще сохранился въ Верхнеколымскихъ юкагирскихъ родахъ, но что выработался отдѣльный тундренный діалектъ. Послѣдній, правда, всосалъ въ себя извѣстное количество тунгузскихъ словъ, но слова эти подчинены законамъ грамматики юкагирскаго языка. Отъ Верхнеколымскаго нарѣчія онъ отличается главнымъ образомъ своей фонетикой. Большинство же корней одни и тѣже въ обоихъ нарѣчіяхъ. Хотя на тундрѣ и сохранилось преданіе, что нарѣчіе тундренныхъ родовъ есть языкъ древнихъ Алаевъ, т. е. Алазейскихъ юкагировъ и что Бетильцы когда то говорили на

*) Необходимо замѣтить, что изъ всѣхъ записей образцовъ юкагирскаго языка, сдѣланныхъ до сихъ поръ, записи барона Майделя оказываются самыми лучшими.

иномъ языкѣ, тѣмъ не менѣе въ настоящее время главными представителями этого языка являются Бетильскіе тунгусы. Они не только говорятъ «Міт ару— одуд-ару т.-е.» нашъ языкъ есть юкагирскій языкъ, но сами о себѣ говорятъ одулигоджайі т. е. мы «одулы». Одулъ — общее племенное названіе юкагировъ и означаетъ «крѣпкій», «сильный». Юкагиры сами себя такъ называютъ, по всей вѣроятности, потому, что, какъ я уже раньше замѣтилъ, они считались самыми храбрыми воинами на всемъ сѣверо-востокѣ. Изъ другихъ же народностей края — русскіе называютъ Бетильцевъ тунгусами, подразумѣвая впрочемъ подъ этимъ именемъ всѣ тундренные роды, и языкъ ихъ тунгузскимъ, а якуты или «тонгусъ» или хангаями (хангаілäр) а языкъ ихъ хангайскимъ (ханга-тыла). Весьма возможно, что слово ханган заимствовано съ монгольскаго ханга – охотиться. Слово это усвоено Верхнеколымскимъ юкагирскимъ нарѣчіемъ, промышленникъ называется хангичэ. Хангаілäр такимъ образомъ можетъ быть означаетъ—охотники, охотничій народъ. Верхнеколымскіе юкагиры, удаленные отъ тундренныхъ родовъ тысячеверстнымъ разстояніемъ, называютъ ихъ однимъ именемъ Алан, но подразумѣвая подъ этимъ не родственныхъ себѣ юкагировъ, а тунгусовъ. Сами Бетильцы называютъ тундренныхъ юкагировъ только родовымъ именемъ Алан; индигирскихъ юкагировъ—Дудки, а колымскихъ—Когимэ. По разсказамъ же колымскихъ юкагировъ Когимэ есть названіе одного вымершаго юкагирскаго рода.

Когда я сообщилъ Верхнеколымскимъ юкагирамъ, что тѣ тундренные люди, которыхъ они называютъ тунгусами, говорятъ на юкагирскомъ языкѣ и именуютъ себя одул, то они были весьма удивлены первымъ обстоятельствомъ, а по поводу второго возмущены самозванствомъ тунгусовъ. Князецъ пришелъ въ такую ярость отъ моего разсказа, что онъ воскликнулъ: «Еслибъ тунгусъ сказалъ при мнѣ, что онъ одул, я бы ему лицо разбилъ». Изъ сказаннаго по поводу тундреннаго нарѣчія видно, насколько ненадежна народная классификація языковъ и какъ перепуталось тамъ взаимное представленіе различныхъ племенъ другъ о другѣ. Эта путаница отразилась также въ этнографической литературѣ.

Баронъ Майдель говоритъ о тундренныхъ людяхъ Колымскаго края только какъ о тунгусахъ, а г. Сѣрошевскій, послѣдній авторъ писавшій о племенахъ крайняго сѣвера-востока, сообщаетъ въ своемъ прекрасномъ трудѣ о «Якутахъ», со словъ послѣднихъ, слѣдующія свѣдѣнія о мелкихъ народностяхъ глубокаго сѣвера. Сѣверные тунгусы дѣлятся на морскихъ и горныхъ. Горные еще распадаются на двѣ вѣтви, схожихъ по внѣшности и обычаямъ, но говорящихъ разными нарѣчіями. Такія же вѣтви есть и среди морскихъ тунгусовъ. Одна изъ этихъ вѣтвей есть народецъ Кангхай*), кочующій съ чукчами въ низовьяхъ Индигирки и Колымы. Къ приморскимъ тунгусамъ причисляются также юкагиры.

Изъ того, что мной сообщено было о юкагирахъ и о тунгусо-ламутскихъ

*) См. Сѣрошевскій. Якуты, стр. 246.

родахъ Колымскаго и Верхоянскаго округа, можно видѣть насколько спутаны свѣдѣнія якутовъ, приведенныя указаннымъ авторомъ.

Якутское дѣленіе тунгусовъ на «морскихъ» и «горныхъ» можно назвать топографическимъ. Море и тундра, камень и хребетъ являются въ

Юкагиры на р. Ясачной связываютъ десятками омулей общественную промысла для дѣленія рыбы на паи (См. статью: «По рр. Ясачной и Коркодону». Изв. II. Р. Г. О. 1898 г. 3).

мѣстномъ русскомъ нарѣчіи синонимами, такъ что «морскимъ» человѣкомъ называютъ жителя тундры, а «каменнымъ» человѣкомъ—обитателя горъ. Оффиціальное наименованіе ламутскихъ и юкагирскихъ родовъ, кочующихъ по хребтамъ, каменно-ламутскими или каменно-юкагирскими основано на этомъ именно дѣленіи. Разумѣется, что въ этнологическомъ смыслѣ оно не существенно.[5] Еще менѣе смысла имѣетъ дѣленіе тунгусовъ на двѣ вѣтви, говорящихъ разными нарѣчіями. Всѣ тунгусы и ламуты Якутской области, за исключеніемъ тѣхъ, ко-

торые объякутѣли (какъ въ устьѣ Лены или Яны) или объюкагирѣли (какъ на Колымской тундрѣ и на рѣкѣ Ясачной), говорятъ діалектами общаго всему племени языка – тунгузскаго, изученнаго Кастреномъ. Народецъ Кангхай очевидно есть Бетильскій Тунгузскій родъ, называемый якутами Хангаями и кочующій на тундрѣ между Б. Чукочью и Алазеей, а не въ устьяхъ Индигирки и Колыми. Юкагировъ якуты причислили къ тунгусамъ, должно быть, потому, что на тундрѣ тѣ, и другіе говорятъ однимъ языкомъ—юкагирскимъ.

Спеціально же въ тундренномъ т. е. юкагирскомъ нарѣчіи мы получаемъ ясное доказательство ненадежности одного языка въ роли признака для классификаціи расъ. Тутъ мы видимъ не только усвоеніе тунгусами юкагирскаго языка, весьма мало общаго имѣющаго съ урало-алтайской группой языковъ, къ которой, по классификаціи Кастрена, принадлежитъ тунгузскій языкъ, но и присвоеніе себѣ ими племеннаго названія народа, выработавшаго этотъ языкъ; съ другой стороны въ обоихъ юкагирскихъ родахъ тундры физическія свойства не могутъ уже въ настоящее время служить показателемъ древне-юкагирскаго типа. По отношенію къ Алаямъ именно языкъ является доказательствомъ ихъ юкагирскаго происхожденія. По типу же они вполнѣ приблизились къ тунгусамъ. Не даромъ Миддендорфъ, видѣвшій случайно въ Якутскѣ привезенныхъ туда за какое то преступленіе, двухъ Индигирскихъ юкагировъ, причислилъ ихъ къ тунгузской вѣтви монгольской расы.

Къ сожалѣнію я не могу тутъ вдаваться въ подробности о типѣ юкагиро-тунгусовъ. Антропологическій матеріалъ мой о юкагирахъ еще не обработанъ, а сравнительными данными о физическомъ типѣ тунгусовъ,—племени, разрозненныя части котораго разбросаны на громадномъ пространствѣ между Китаемъ и Ледовитымъ океаномъ и Енисеемъ и Охотскимъ моремъ, антропологія еще не располагаетъ.

Какъ бы то ни было два приведенныхъ мной первостепенныхъ элемента въ вопросѣ о племенномъ родствѣ—языкъ и типъ—достаточно уже указываютъ на смѣшанность тундренныхъ родовъ и на взаимное вліяніе составляющихъ ихъ элементовъ. Тунгусы переняли юкагирскій языкъ, введя въ него извѣстное количество тунгузскихъ корней, а юкагиры приблизились къ тунгусамъ по физическимъ свойствамъ, сохранивъ нѣкоторыя племенныя особенности.

Тѣ же слѣды смѣшенія разнородныхъ этническихъ группъ мы находимъ въ бытѣ, обычаяхъ и вѣрованіяхъ тундренныхъ родовъ. Относительно вѣрованій слѣдуетъ замѣтить, что они носятъ гораздо болѣе юкагирскій характеръ, чѣмъ тунгузскій. Не то съ матеріальнымъ бытомъ и обычаями; въ нихъ тунгузское вліяніе довольно сильно.

Мы имѣемъ всѣ данныя утверждать, что древніе юкагиры области р. Колымы были рѣчными жителями, собаководами, рыболовами и охотниками. Труднѣе рѣшить этотъ вопросъ по отношенію къ древнимъ тундреннымъ юкагирамъ, занимавшимъ рѣки Алазею и Большую Чукочью. Рѣшеніе этого вопроса связано съ другимъ вопросомъ—откуда взялся на тундрѣ домашній олень?

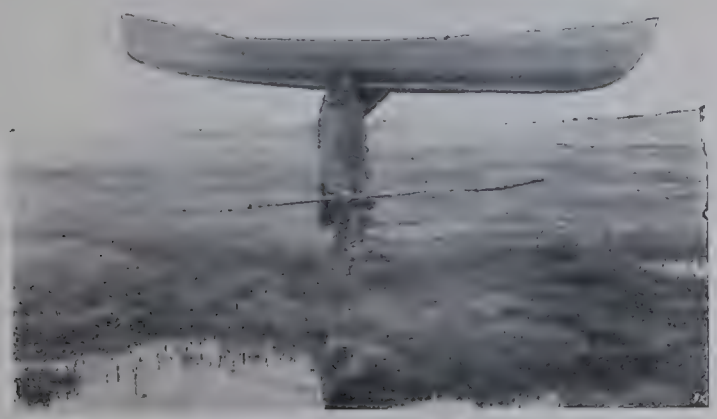
Есть указанія на то, что на крайнемъ сѣверо-востокѣ въ недалекомъ еще прошломъ были мелкіе оленные роды, служившіе связью между юкагирами и чукчами. Къ нимъ можно причислить живущій еще остатокъ чуванскаго племени. Какой былъ у этихъ родовъ олень—неизвѣстно. Во всякомъ случаѣ теперешній тундренный домашній олень не чукотскій, а тунгузскій. Чукотскіе и тунгузскіе олени образуютъ по своимъ физическимъ свойствамъ двѣ вполнѣ отличныхъ расы. Такимъ образомъ есть основаніе думать, что домашній олень пришелъ къ тундреннымъ юкагирамъ съ юга, вмѣстѣ съ тунгусами. Теперь же всѣ четыре рода—оленные люди. (Но оленеводами въ строгомъ смыслѣ слова ихъ нельзя назвать.' По произведенной мной на тундрѣ переписи оказалось,

Подледный промыселъ рыбы юкагировъ на р. Ясачной. (см. статью: «По рр. Ясачной и Коркодону»).

что изъ 66 шатровъ, составляющихъ 4 рода, одно только хозяйство имѣло 60 оленей, два по 50, а среднее—отъ 10 до 20 оленей. Всѣ же 66 семействъ имѣли вмѣстѣ 1020 оленей, въ то время какъ одинъ богатый чукча западной тундры, Арара, владѣетъ стадомъ въ 5000 оленей. У большинства изъ указанныхъ семействъ едва хватаетъ оленей на перевозку урасы, семьи и домашняго скарба при перекочевкахъ. Нѣкоторыя семьи имѣютъ всего 2—3 или 5 оленей, а для того чтобы двинуться въ путь средней семьѣ въ 5 человѣкъ, нужно отъ 20 до 30 санокъ, стало быть 20—30 оленей. Такіе люди кочуютъ въ хвостѣ болѣе богатаго родственника, пользуясь его лишними оленями, или они перевозятъ свое хозяйство по частямъ, причемъ взрослые и здоровые члены семьи ходятъ пѣшкомъ. Такой способъ кочевки называется на Колымѣ «кочевать съ отвозомъ». Такимъ образомъ домашній олень не только не питаетъ тундренныхъ людей, но и недостаточно выполняетъ свою роль рабочаго скота. Какъ и у юкагировъ—собаководовъ, главной пищей этихъ оленныхъ людей

служитъ рыба, добываемая ими въ рѣкахъ Алазеѣ и Большой Чукочьей и въ многочисленныхъ озерахъ тундры.

Въ рѣкахъ встрѣчается «бѣлая рыба» нельма, омуль, муксунъ, въ озерахъ чиръ, пелядь, щокуръ — это все различные виды Coregonus т. е. сига. Въ озерахъ, ближайшихъ къ морю, имѣется красная рыба «краска», одинъ изъ видовъ Salmo, кромѣ того водятся въ озерахъ щука, налимъ. Тундренные озерные чиры (Coregonus nasutus) подъ названіемъ Алёрскихъ, отъ имени двухъ озеръ—Большого и Малаго Алёрскаго, славятся вкусомъ во всемъ краѣ. Промышляютъ тундренные люди рыбу сѣтями изъ конскихъ волосъ, выѣзжая въ легкихъ челнокахъ изъ тонкихъ осиновыхъ досокъ, называемыхъ тамъ вѣтками. При переходѣ лѣтомъ отъ одного озера къ другому тундренные рыбаки волокутъ за собой челноки по мокрому мшистому грунту, точно санки, или переносятъ ихъ на плечахъ черезъ болота и кочки.



Тундренный рыбакъ переноситъ свой челнокъ изъ одного озера въ другое.

Побочнымъ источникомъ питанія служитъ охота на дикихъ оленей. Главный промыселъ оленей производится весной по насту, когда олени изъ лѣсовъ направляются для лѣтняго пребыванія къ морскому берегу, или на острова. Тогда, говорятъ юкагиро-тунгусы, слухъ дикаго оленя притупляется. Зимой же промыселъ на него трудный: олень не подпускаетъ къ себѣ, онъ слышитъ шумъ на далекомъ разстояніи. Это объясняется тѣмъ, что сжатый морозомъ воздухъ является хорошимъ проводникомъ звука. Зимой на тундрѣ малѣйшій шорохъ передается на десятки верстъ кругомъ. Вы слышите трескъ отъ замерзанія выдыхаемаго пара, и малѣйшее движеніе въ атмосферѣ отражается въ вашемъ ухѣ какимъ либо звукомъ или шумомъ. Трудна также охота на оленя осенью во время любовнаго сезона. Лѣтомъ тоже по временамъ удается убить оленя на озерѣ, куда онъ заходитъ, спасаясь отъ комаровъ, или подкрадываться къ нему на тундрѣ, ползая брюхомъ по мокрымъ мхамъ, ибо тамъ нѣтъ деревьевъ, за которыми охотникъ могъ бы скрываться во время частаго оглядыванія назадъ преслѣдуемаго оленя.

Интересно указать тутъ, что тундренные охотники употребляютъ еще на охотѣ главнымъ образомъ оружіе костяного вѣка—лукъ и стрѣлы, въ то время какъ у верхнеколымскихъ юкагировъ и лѣсныхъ тунгусовъ мы уже находимъ почти исключительно кремневую винтовку. Отсталость тундреннаго охотника объясняется не одной недоступностью для него оружія желѣзнаго вѣка, а также отсутствіемъ на тундрѣ бѣлки, для промысла которой необходимо ружье.

Охота Верхне-Колымскихъ юкагировъ на оленей по насту на лыжахъ (см. статью: «По рр. Ясачной и Коркодону»).

Значительнымъ подспорьемъ въ питаніи служитъ еще лѣтомъ перелетная птица. Утки, гуси и лебеди убиваются всякими способами—стрѣлами, петлями и сѣтями, а во время линянія—просто палками, но праздникъ дичи продолжается не долго и, не смотря на то, что въ мерзлой почвѣ тундры всякая вырубленная топоромъ яма является естественнымъ ледникомъ, бродячіе люди мало кладутъ въ запасъ изъ убитыхъ птицъ. Отчасти это объясняется первобытной непредусмотрительностью, а отчасти краткостью сезона лѣтняго промысла рыбъ и птицъ.

При всемъ усердіи первобытнаго промышленника трудно тамъ ему за короткое время лѣтнихъ и осеннихъ промысловъ запасти пищу на весь годъ, особенно съ тѣми орудіями, которыя имѣются у жителей колымской тундры.

Лѣтомъ рѣдко у кого есть порядочная сѣть, а зимой нечѣмъ долбить толстый ледъ, чтобы сдѣлать прорубь. Трудно найти на тундрѣ желѣзное кайло, и саженный ледъ колютъ топоромъ, или ножами. Надо еще замѣтить, что люди, питающіеся главнымъ образомъ хлѣбной и другой растительной пищей, не могутъ имѣть яснаго представленія о томъ громадномъ количествѣ рыбы или мяса, которое потребно для годоваго прокормленія семьи, питающейся исключительно животной пищей. Я ѣмъ весьма мало, но когда отсутствовала другая пища, мнѣ нужно было 5 фунтовъ рыбы въ день, чтобы не чувствовалась пустота въ желудкѣ.

Такимъ образомъ по отношенію къ питанію тундренный годъ можно раздѣлить на сытые и голодные сезоны.

Первые бываютъ лѣтомъ во время хода рыбы въ рѣкахъ, осенью во время ея нереста въ озерахъ, а весной, если есть дикіе олени. Но оба рода промысла подвержены колебаніямъ и случайностямъ. Нерѣдко бываетъ, что сейчасъ за рѣкоставомъ запасная рыба кончается и начинается недоѣданіе. Въ зимнее же время, когда подъ толщей льдовъ рыба скрывается въ ямахъ озеръ или она уплываетъ изъ рѣкъ въ океанъ, наступающій голодъ заставляетъ тѣ или другія бѣдныя семейства уйти къ востоку отъ Колымы, или въ Индигирскую сторону, или на самой тундрѣ ходить за чукотскими лагерями въ качествѣ приживальщиковъ, пользующихся подачками и отбросами отъ чукочъ. Отношенія между богатымъ оленеводомъ чукчей и окружающимъ его станъ голоднымъ бродячимъ людомъ весьма любопытны. Примитивный оленеводъ,—чукча считаетъ себя обязаннымъ кормить голодныхъ людей, точно духъ покровитель стада даетъ его хозяину не въ полную собственность, а только въ завѣдываніе, для общей пользы, а бродячій тунгусо-юкагиръ смотритъ на себя, какъ на пайщика въ чукотскомъ стадѣ.

Впрочемъ къ этимъ первобытно-филантропическимъ отношеніямъ примѣшиваются еще обмѣнно-торговыя сношенія. Богатый чукча является не только кормильцемъ бѣдныхъ людей, но и торговцемъ-посредникомъ между настоящимъ купцомъ и промышленникомъ и получаетъ отъ своихъ кліентовъ песцовыя шкуры въ обмѣнъ за «ѣдомыхъ», какъ говорятъ на Колымѣ, оленей. Разсчеты этого обмѣна бываютъ довольно запутаны, но въ общемъ за одного оленя считаютъ 2-хъ песцовъ *). Песцовый промыселъ и въ извѣстной степени нахожденіе мамонтовой кости даетъ бродячимъ людямъ тундры также средство для пріобрѣтенія русскихъ привозныхъ товаровъ, главнымъ образомъ кирпичнаго чаю и табаку, платковъ, бисеру, желѣзныхъ вещей, наконецъ водки. Мамонтовую кость находятъ лѣтомъ въ обвалахъ земляныхъ береговъ озеръ. Обыкновенно ее ищутъ артелями и на каждаго пайщика можетъ выйти 1—2 пуда кости. Оцѣниваютъ кость отъ 12 до 25 руб. за пудъ. Песцовъ хорошій промышленникъ добываетъ

*) Какъ въ Верхнеколымской части округа роль монетной единицы играетъ бѣличья шкурка, такъ на тундрѣ обращается песцовая шкура.

отъ 10 до 20 въ годъ и шкурка при обмѣнѣ оцѣнивается отъ 1 до 2 руб. Промышленникъ можетъ такимъ образомъ имѣть отъ 50 до 60 руб. въ годъ. Но если принять во вниманіе обмѣнныя цѣны—1 ф. табаку цѣной у насъ 7 к. засчитывается въ 1 руб., 30-ти копеечный топоръ—въ 3 рубля и т. д.—то покупательная способность охотника будетъ ничтожна и привитыя ему какъ вредныя, такъ и полезныя культурныя потребности остаются почти неудовлетворенными.

Главный обмѣнъ между тундренными людьми и русскими и якутскими торговцами производится на ярмаркѣ на Дулбѣ. Это мѣсто на тундрѣ между рр. Б. Чукочьей и Колымой. Туда въ октябрѣ мѣсяцѣ прикочевываютъ бродячіе роды, пріѣзжаютъ торговцы для обмѣна, исправникъ для полученія ясака и походный священникъ для совершенія требъ. Я не буду распространяться о характерѣ мѣновыхъ сношеній. Болѣе или менѣе они извѣстны. Они основаны на кредитѣ, на переходѣ долговыхъ обязательствъ по наслѣдству, такъ что каждый

Зимняя ураса у края лѣсовъ семьи князца 1-го Алазейскаго юкагирскаго рода и его отца. Направо—женщины, налѣво—мужчины съ луками и стрѣлами.

инородецъ является на свѣтъ съ готовымъ дефицитомъ, на произволѣ въ разсчетахъ и чудовищныхъ процентахъ за отсрочки платежей. Если напр. кто нибудь не доставилъ на ярмарку 10 песцовъ согласно обязательству, то къ будущей ярмаркѣ онъ долженъ доставить 15, т. е. прибавляется 50%. Въ денежныхъ займахъ процентъ доходитъ до 100. Часто случается, что небольшой рублевый ясакъ, уплачиваемый, по обыкновенію, путемъ займа, выростаетъ, проходя черезъ рядъ отсрочекъ и мѣновыхъ разсчетовъ, въ стоимость полугодового промысла.

Для иллюстраціи мѣновыхъ отношеній я разскажу объ одной характерной сдѣлкѣ, имѣвшей мѣсто на тундрѣ передъ самымъ моимъ пріѣздомъ туда. Въ томъ году повезло семейству князца 1-го алазейскаго рода. У князца есть еще два брата—лучшіе промышленники на тундрѣ и старикъ отецъ. Это самое почетное и богатое семейство на тундрѣ. Богатство ихъ заключается въ оленяхъ—у князца вмѣстѣ съ отцемъ ихъ около 100, затѣмъ въ числѣ и качествѣ промышленниковъ и наконецъ въ количествѣ наслѣдственныхъ и благопріобрѣтенныхъ долговъ. Степень задолженности тоже служитъ мѣриломъ

Жена и сестра (ламутка)
Князца 1-го Алазейскаго юкагирскаго рода.

для представленія о богатомъ человѣкѣ. Около урасы князца, который самъ нерѣдко сидитъ безъ чаю и табаку, всегда всетаки ютится нѣсколько урасъ болѣе бѣдныхъ родовичей. Въ 1896 году выпало его семейству особое счастье. Братья его вырыли мамонтовый клыкъ въ 6 пуд. Такой вѣсъ чрезвычайно рѣдко попадается. Обыкновенно крупнымъ уже считается трехпудовый клыкъ. Чѣмъ крупнѣе клыкъ, тѣмъ онъ дороже. За особенно большой клыкъ купцы даютъ по 30 р.

съ пуда. Вѣсть объ этой находкѣ скоро распространилась по всему округу. Старика, отца князя, различные торговцы соблазняли самыми выгодными предложеніями для мѣны, но вѣрный своему постоянному заимодавцу, одному разбогатѣвшему торговлей среднеколымскому казаку, онъ выждалъ его пріѣзда на тундру. Чтобы устранить сразу всѣхъ конкуррентовъ, послѣдній, не упоминая о долгахъ, предложилъ за кость наличныя деньги, товаръ, который весьма дорого цѣнится въ округѣ. Въ виду наличности сдѣлки и старыхъ сношеній сошлись на 100 руб. Получивъ такую кучу денегъ, старый юкагиръ былъ въ восторгѣ. Онъ мечталъ уже о дешевой покупкѣ на деньги чаю и табаку, объ уплатѣ за всѣхъ родовичей ясаку и о полученіи взамѣнъ этого съ послѣднихъ съ выгодой для себя песцовъ. Послѣ угощенія водкой торговецъ рѣшилъ, что деньги ему нужно получить обратно и началъ въ искусной рѣчи излагать хозяину, какъ онъ, купецъ, всегда вѣрилъ ему, всегда былъ добръ къ нему, никогда не отказывалъ ему въ кредитѣ, всегда откладывалъ платежи; напомнилъ ему, какъ онъ обѣщалъ не разъ заплатить осенью часть долга и такъ какъ онъ теперь имѣетъ

Средній братъ Князца. Жена Князца (ламутка). Князецъ 1-го Алазейскаго юкагирскаго рода.

деньги, то долженъ исполнить обѣщаніе. Старикъ чувствовалъ, что тутъ кроется какая то крупная несправедливость, но всѣ слова купца онъ долженъ былъ подтвердить, ибо такъ оно и было. На возраженія, чѣмъ онъ заплатитъ ясакъ, торговецъ отвѣтилъ, что онъ никогда не отказывалъ его родовичамъ въ деньгахъ, пусть они къ нему обратятся. Въ концѣ концовъ купецъ получилъ 90 руб., но далъ юкагиру на 200 руб. товаровъ въ кредитъ, а его родовичамъ роздалъ

подъ промыселъ будущаго года мелкія суммы денегъ для платежа ясаку, на самыхъ выгодныхъ для себя условіяхъ.

Кромѣ внѣшняго обмѣна еще производится на тундрѣ внутренній обмѣнъ, по пріобрѣтенію предметовъ не привознаго, а мѣстнаго происхожденія. Такъ напр. привозятъ изъ лѣсной полосы на ярмарку березовое дерево для полозьевъ и копыльевъ нарты, осиновыя доски для челноковъ и лиственничную сѣру для заливанія швовъ челнока; чукчи привозятъ оленьи жилы на нитки, тюленьи и моржевые ремни для связыванія частей нарты; якуты — коровьи ремни и конскій хвостовый волосъ на сѣти, чаще всего готовыя сѣти. Въ обмѣнъ на эти вещи идетъ пушнина, оленьи шкуры, оленье мясо, рыба, дичь, мамонтовая кость и даже тундренная моронка, которую доставляютъ русскимъ въ Средне-колымскъ.

Тундренный тунгусъ на бѣговыхъ санкахъ.

Послѣ ярмарки на Дулбѣ, съ наступленіемъ морозовъ и времени отсутствія солнца тунгусо-юкагиры спускаются съ тундры на югъ, въ притундренную полосу края лѣсовъ, гдѣ они соприкасаются съ зимниками-юртами полярныхъ якутовъ. Тамъ они ставятъ свои кожаныя урасы и самое сѣверное дерево— лиственница доставляетъ имъ топливо для очага и нѣсколько защищаетъ отъ снѣжныхъ заносовъ и отъ вѣтровъ, столь безпощадныхъ на тундрѣ во время жестокихъ морозовъ. Но не смотря на постоянно поддерживаемый огонь, температура въ кожаномъ домѣ съ дымовымъ отверстіемъ немногимъ выше, чѣмъ на дворѣ. Впрочемъ за исключеніемъ стариковъ обитатели урасы проводятъ большую часть дня и даже ночи на морозѣ. Защита оленей (для чего нѣсколько семействъ соединяются вмѣстѣ) отъ изобилующихъ на краю лѣсовъ волковъ требуетъ постояннаго надзора за ними со стороны молодыхъ людей; женщины и подростки ставятъ зимой петли на куропатокъ, рубятъ и возятъ дрова, охотники ищутъ песцовъ и дикихъ оленей. Такъ проводятъ они время въ лѣсу, пока еще есть запасы пищи отъ осенняго рыбнаго промысла. Часто приходится зимой съѣсть весь приплодъ, обмѣнять ѣздовыхъ оленей у чукочъ на ѣдемныхъ или, если чукчей нѣтъ вблизи, съѣсть свои перевозочныя средства и остаться пѣшими.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, когда полярная весна возбуждаетъ новыя надежды и вызываетъ заснувшій край къ новой жизни, тунгусо-юкагиры оставляютъ лѣса и начинаютъ двигаться на сѣверъ въ голую и глухую тундру. Бѣдные люди еще раньше уходятъ на сѣверъ, чтобы раздобыть пищу у чукочъ на морскомъ берегу. Еще стоятъ 20 и даже 30-ти градусные морозы, но это уже считается теплымъ временемъ. Солнце уже большую часть дня стоитъ надъ горизонтомъ, и непосредственный свѣтъ его лучей въ соединеніи съ ихъ яркимъ отраженіемъ на необозримомъ снѣжномъ покровѣ вызываетъ явленіе, хорошо знакомое альпійскимъ путешественникамъ и извѣстное подъ именемъ снѣжной слѣпоты. Глаза инородца довольно хорошо переносятъ этотъ ослѣпительный блескъ. Впрочемъ и они употребляютъ различнаго рода окуляры въ видѣ сѣтокъ изъ чернаго конскаго волоса, металлическихъ пластинокъ или просто кусочковъ березовой коры съ узенькими щелями для глазъ, уменьшающими силу свѣта. Время это представляетъ собой полярную весну и если промыселъ оленей удаченъ, это самое веселое время на тундрѣ.

Въ началѣ іюня, съ таяніемъ снѣговъ и вскрытіемъ рѣкъ и озеръ, сразу наступаетъ полярное лѣто. Тундра покрывается зеленовато-сѣрымъ ковромъ травъ и мховъ, но съ моря дуютъ холодные вѣтры съ туманами, такъ что тундреннымъ людямъ нѣтъ необходимости мѣнять зимнюю одежду на лѣтнюю. Они и лѣтомъ носятъ свои кафтаны изъ мохнатыхъ оленьихъ шкуръ, въ то время, какъ верхнеколымскіе юкагиры лѣтомъ одѣваются въ одежду изъ тонкой хорошо выдѣланной замши. Все лѣто тунгусо-юкагиры проводятъ далеко за краемъ лѣсовъ, но на 100—200 верстъ не доходятъ до океана. Какъ и колымскіе юкагиры, это не морскіе *) люди и съ морскими промыслами они не знакомы. Они промышляютъ рыбу въ нижнемъ теченіи Алазеи и Б. Чукочьей и на озерахъ. Тамъ для топлива попадаются уже только ползучіе кустарники; иной разъ, чтобы имѣть возможность вскипятить чай, приходится ѣхать къ морскому берегу за плавникомъ, жечь запасныя жерди урасы или старую нарту. Хотя комаровъ на сѣверной тундрѣ меньше, чѣмъ въ лѣсахъ, но они достаточно мучатъ людей и животныхъ. Чтобъ избавиться отъ нихъ, разводятъ дымокуры изъ торфяныхъ кочекъ. Но въ смыслѣ питанія короткое лѣто является самымъ лучшимъ временемъ года. Такъ живутъ тунгусо-юкагиры до наступленія зимы. Потомъ они снова спускаются на югъ, въ зону лѣсовъ.

Изъ краткаго обзора матеріальнаго быта тундренныхъ родовъ достаточно явствуетъ, насколько онъ является смѣшаннымъ, тунгусо-юкагирскимъ или оленно-рыболовческимъ, но не мѣшаетъ указать еще на нѣкоторыя особенности этого быта. Тундренные люди употребляютъ оленя, какъ въ упряжи, такъ и подъ сѣдломъ, въ то время какъ горные ламуты ѣздятъ только верхомъ, а чукчи только на нартѣ. Нарта тундренная чукотскаго типа. Ураса же тундренная чисто тунгуз-

*) Здѣсь я слово морской употребляю не въ локальномъ, а въ настоящемъ его значеніи.

ская. Она состоитъ изъ нижней цилиндрической части, и верхней—конической. Ни чукчи, ни верхнеколымскіе юкагиры таковой не ставятъ.

Еще болѣе любопытный матеріалъ для сужденія о смѣшеніи на тундрѣ различныхъ племенныхъ элементовъ даютъ обычаи при сватовствѣ и бракѣ.

Положеніе дѣвушки въ семьѣ до замужества одинаково какъ у тундренныхъ родовъ, такъ и у верхнеколымскихъ юкагировъ. Названіе для дѣвушки въ языкѣ есть «Màрхіl», но оно не связано съ понятіемъ о невинности, а со свободой располагать собой. Дѣвушка, достигшая зрѣлаго возраста, получаетъ въ урасѣ отдѣльный пологъ (палатка), и пріѣзжій, ночуя въ урасѣ, не лишенъ права расчитывать на благосклонность свободныхъ отъ брачныхъ узъ особъ. Древне-юкагирскій обычай предписывалъ класть гостей на дѣвичью постель. Это была добрачная поліандрія.

Тундренный юкагиръ старикъ Ягловскій готовитъ для меня съ женой дорожный чукотскій зимній пологъ изъ мохнатыхъ шкуръ.

Мой переводчикъ юкагиръ Долгановъ разъ при мнѣ спросилъ у старика, хозяина урасы на Коркодонѣ, у котораго мы остались ночевать: — «Дѣдъ, гдѣ я спать буду? и послѣдній отвѣтилъ: «ложись съ дѣтьми». У старика были двѣ дочери дѣвушки. Въ сказкахъ встрѣчаются разсказы, въ которыхъ глава семьи указываетъ, на чью именно постель лечь—старшей или младшей. Замѣчу, впрочемъ, что на р. Ясачной жена князца на мои разспросы по этому поводу отвѣтила, что умная дѣвушка не снимаетъ передника, если не любитъ гостя.

Внутри рода отношенія между полами таковы, что юноши рѣдко проводятъ ночь дома. Свободныя отношенія имѣютъ мѣсто среди самыхъ близкихъ родственниковъ, двоюродныхъ братьевъ и сестеръ, несмотря на запрещенія священниковъ *), и что еще болѣе удивительно, по обычаю, родные, двоюрод-

*) Юкагиры всѣ православные.

ные, троюродные и т. д. братья и сестры, т. е. каждое данное поколѣніе группы, связанной кровнымъ родствомъ, не должны между собой разговаривать.

Замѣчу мимоходомъ, что юкагирская система родства вполнѣ похожа на системы родства американскихъ индѣйцевъ, приведенныя Морганомъ. Старшій

Верхне-колымскія юкагиры отправляются по ягоды.

братъ матери называется дѣдомъ, а старшій братъ отца называется «большимъ отцемъ». Не смотря на эндогамическій характеръ брака, обычай не говорить между собой распространяется въ системѣ родства на три группы родственниковъ. Первая группа погiльпä обнимаетъ отца, мать, и старшихъ братьевъ женщины по отношенію къ ея мужу и обратно. Вторая группа ніальпä обнимаетъ отца, мать, старшихъ братьевъ мужчины по отношенію къ его женѣ и обратно. Третью группу äмджäпул составляютъ братья и сестры въ прямой, т. е. родные, и

во всѣхъ боковыхъ линіяхъ т. е. все данное поколѣніе рода *). Этотъ обычай называется нехіjінчі — «взаимно стѣсняются» и очевидно предупреждалъ половыя сношенія среди извѣстныхъ степеней родства, а между тѣмъ сожительство двоюродныхъ братьевъ и сестеръ не считается за грѣхъ. Интересную юкагирскую семью я видѣлъ на р. Коркодонѣ. Эта самая большая и уважаемая семья. Мужъ и жена—двоюродные братъ и сестра, старики 70—75 лѣтъ. Они говорятъ между собою во множественномъ числѣ или въ безличной формѣ. Дѣти считаются незаконными. Старикъ много разъ обращался съ просьбой, чтобы его обвѣнчали. Когда я готовился въ 1896 г. ѣхать съ р. Ясачной на р. Коркодонъ, старикъ этотъ, по приказанію верхнекалмыжскаго священника, долженъ былъ оставить семью и жить на р. Ясачной у чужихъ. Но, за отсутствіемъ другихъ опытныхъ проводниковъ, я долженъ былъ его взять съ собой и такимъ образомъ онъ могъ увидѣться со своей семьей.

На тундрѣ тѣ же самыя отношенія къ дѣвушкѣ, какъ въ верховьяхъ р. Колымы.

Весьма характерный отвѣтъ я получилъ отъ одного старика Бетильскаго рода, имѣющаго взрослыхъ дочерей, на мой вопросъ, какъ они смотрятъ на свободныя сношенія молодыхъ людей. «Это не считаемъ за грѣхъ, сказалъ онъ, отецъ дѣвушки не сердится, ибо она сама согласилась. Если парень не нравится отцу, то онъ про себя будетъ недоволенъ, замужъ не дастъ, но ничего не скажетъ, не станетъ ругаться, чтобы дитя свое не конфузить». Вообще родители и др. родственники дѣлаютъ видъ, что не замѣчаютъ ночныхъ посѣщеній полога дѣвушки молодыми людьми. Но свобода дѣвушки не исключаетъ съ ея стороны предпочтенія того или другого лица, т. е. настоящей любви. Такая связь кончается бракомъ, если роднѣ невѣсты нравится женихъ. Женихъ разумѣется является посѣтителемъ полога невѣсты задолго до начала сватовства. Это—періодъ испытанія, насколько прочна привязанность молодыхъ людей. Неоффиціальное положеніе жениха весьма часто легализируется услугами и подарками, которые онъ доставляетъ отцу или другимъ старшимъ родственникамъ невѣсты. Женихъ дровъ привезетъ или доставитъ результатъ своего промысла: рыбу, оленя, песца и т. д., и отецъ невѣсты принимаетъ приношенія молча, не показывая никакого вида, что онъ знаетъ, въ чемъ дѣло. Такія услуги разсматриваются на тундрѣ, какъ начало выкупа (уоленгъ—цѣна) и называются ханджай, а у юкагировъ, какъ начало отработка (эймэ). Эти услуги впрочемъ ни къ чему не обязываютъ обѣ стороны. Завязанныя отношенія могутъ прекратиться безъ всякаго ущерба для чести невѣсты. Благоволеніе же отца невѣсты къ услугамъ жениха разсматривается, какъ моментъ благопріятный для начала сватовства.

Начиная съ сватовства и кончая свадьбой, мы уже видимъ въ обычаяхъ тундренныхъ родовъ рядомъ съ юкагирскими и тунгузскіе обычаи, значительно

*) Полную таблицу системы родства юкагировъ на обоихъ нарѣчіяхъ я помѣстилъ въ печатающихся матеріалахъ по юкагирскому языку и фольклору. См. прим. стр. 2.

измѣняющіе архаическій строй юкагирскихъ семейныхъ отношеній. Для удобства сравненія я предварительно приведу главные моменты въ юкагирскомъ сватовствѣ и бракѣ.

Согласно преданіямъ, надо думать, что сватовство у юкагировъ есть институтъ позднѣйшаго времени, заимствованный у пришлыхъ племенъ, пріобрѣтающихъ невѣсту куплей, а также у русскихъ. Въ старину, разсказываютъ,

Чукча съ женой юкагиркой въ чукотскомъ костюмѣ.

молодой человѣкъ устраивалъ свои дѣла безъ чьего либо посредства. Женихъ или скорѣе супругъ-экстернъ, желая сдѣлаться супругомъ-интерномъ, три дня кололъ дрова передъ урасой тестя, накладывая кучу выше его жилища. На четвертый день послѣдній начиналъ пользоваться дровами, если желалъ принять зятя. Тогда женихъ ночью, какъ обыкновенно, приходилъ въ пологъ невѣсты, но приносилъ уже съ собой свой лукъ и колчанъ со стрѣлами, ставилъ ихъ на видномъ мѣстѣ и утромъ оставался въ домѣ тестя, точно старый членъ. Такимъ образомъ юкагирскій бракъ отличается полнымъ отсутствіемъ какихъ либо свадебныхъ церемоній; я конечно не говорю о церковномъ обрядѣ, совершающемся post factum. И теперь женихъ, сватовство котораго принято, является

ночью къ невѣстѣ и утромъ остается у тестя, ничего не принося съ собой, кромѣ одного кремневаго ружья, ибо говорятъ юкагиры, онъ приходитъ на «готовое ложе». Онъ у жены находитъ также новый костюмъ, ею для него сшитый. Любопытно также, что рыболовныя снасти должны быть у невѣсты, хотя сѣти ставятъ мущины. Только охотничье оружіе приноситъ женихъ. Но со дня вступленія въ домъ невѣсты ея отецъ или старшій братъ перестаютъ обращаться къ зятю прямо, а во множественномъ числѣ или въ безличной формѣ. Въ такой формѣ старикъ говоритъ: «На такой то рѣкѣ ловушки не насторожены», ни къ кому не обращаясь, и зять идетъ ихъ сторожить или тесть скажетъ: «Сѣти надо бы посмотрѣть», и зять идетъ смотрѣть сѣти.

Тундренныя тунгуски
въ тунгузскомъ костюмѣ. въ чукотскомъ костюмѣ.

Изъ записаннаго мной на р. Ясачной образца юкагирскаго сватовства, я укажу наиболѣе интересныя мѣста. Сватовство рѣдко кончается въ одинъ день. Сватъ обыкновенно много разъ ходитъ и уходитъ съ отвѣтомъ отца невѣсты или старшаго брата, чтобы «ихъ такими рѣчами не встрѣчали». Бываетъ, что родня невѣсты тянетъ нѣсколько лѣтъ, испытывая солидность привязанности жениха или его усердіе на охотѣ, или просто по капризу, потому что такъ принято. Въ первый разъ сватъ, предлагая союзъ, отъ имени родныхъ жениха проситъ родню невѣсты сидѣть «у тепла одного очага». Самое характерное и интересное мѣсто въ рѣчахъ свата—слѣдующія слова его, обращенныя къ родителямъ невѣсты послѣ ихъ обычнаго первоначальнаго отказа: «Отецъ—мать! моего юношу-сироту къ огню вашего очага отчего не пускаете?» въ каковыхъ словахъ выражается просьба пріобщить жениха къ культу предковъ семьи невѣсты, культу чрезвычайно развитому у юкагировъ. Затѣмъ интересенъ отвѣтъ на это отца невѣсты: «мои люди, моя родня какія слова изрекутъ, я не знаю», указывающій на участіе всего рода въ рѣшеніи вопроса, принять ли въ домъ зятя. Наконецъ, отецъ невѣсты даетъ согласіе, но ставитъ условіе, что женихъ во всю жизнь не долженъ оставлять его дома. Вообще поселеніе жениха въ домѣ тестя является правиломъ, но и теперь и въ старину бывали исключенія. Напр., если въ семьѣ и безъ зятя достаточно мужчинъ промышленниковъ, то по истеченіи нѣсколькихъ лѣтъ его отпускаютъ съ женой въ его родъ, или двѣ семьи, по соглашенію, мѣняются дѣвушками, вмѣсто того, чтобы зятья переходили изъ дома въ домъ.

Обратившись къ сватовству и браку тундренныхъ родовъ, мы увидимъ, насколько въ нихъ тунгузскій элементъ уже смѣшанъ съ юкагирскимъ. Какъ изъ верхнеколымскаго сватовства, я и изъ записаннаго мной текста сватовства на

тундрѣ обращу вниманіе на самыя интересныя мѣста. Женихъ былъ богатый старикъ-вдовецъ, а невѣста молодая дѣвушка, любившая уже одного бѣднаго юношу. Это была цѣлая драма. Ее не заставляли выходить за старика, но было оказано нравственное давленіе такъ же тонко, какъ у культурныхъ людей, такъ что подчиненіе обычаю и желанію родни подавило голосъ сердца.

Духъ рѣчей свата и родственниковъ невѣсты—говорить о вещахъ не прямо, а намеками и аллегоріями—чисто юкагирскій, но содержаніе ихъ уже иное. Сватъ тоже долго ходилъ, пока получилъ согласіе, хотя родня невѣсты очень желала богатаго жениха. На тундрѣ сватъ получаетъ отъ жениха за труды оленя, который называется арӣмэтунгелъ, что значитъ «на починку подошвъ», ибо свату иной разъ приходится не одну пару обуви износить, пока получаетъ согласіе.

Въ тундренномъ сватовствѣ отсутствуетъ самое существенное изъ юкагирскаго сватовства—обращеніе свата къ роднѣ невѣсты о допущеніи жениха къ огню ихъ очага, ибо не женихъ переходитъ въ домъ невѣсты, а послѣдняя покупается и переходитъ въ домъ родни жениха т. е. материнскій строй семьи рыболововъ-охотниковъ—юкагировъ перешелъ въ патріархально-родовой—тунгусовъ-оленеводовъ. Чтобъ характеръ юкагирскаго матріархата не былъ ложно понятъ, необходимо прибавить, что въ обоихъ типахъ семьи значеніе мужчины почти одинаково. И въ юкагирской семьѣ, въ которой кровное родство ведется по женской линіи, авторитетомъ пользуется, за исключеніемъ хозяйственной сферы, старшій мужчина—дѣдъ или старшій братъ матери. Наконецъ, пришлый зять, причисленный къ семьѣ обрядомъ пріобщенія къ семейному культу, становится домоправителемъ, если въ семьѣ нѣтъ старше его мужчинъ.

Какъ на тунгузское вліяніе, надо также смотрѣть на усиленіе значенія рода въ дѣлѣ отдачи замужъ дѣвушки. Когда сватъ приходитъ, приглашаются всѣ родственники невѣсты, и сватъ обращается не къ однимъ ея родителямъ, а ко всему роду, и согласіе является результатомъ общаго соглашенія всѣхъ родственниковъ. Основой, какъ материнской семьи юкагировъ, такъ и патріархальнаго рода тунгусовъ, одинаково служитъ кровное родство, въ первой по женской линіи, во второмъ по мужской. Но хотя въ материнской семьѣ кровное родство надежнѣе, патріархальный родъ тѣмъ не менѣе дисциплинированнѣе.

Но вотъ сватъ истощилъ все свое краснорѣчіе и терпѣніе и получаетъ все-таки отказъ; тогда онъ является съ оленемъ и со шкурой лисицы, песца или болѣе цѣннаго мѣха и говоритъ, что это онъ даритъ родственникамъ невѣсты, чтобы открыть у нихъ ротъ. Это обычай какъ тунгузскій, такъ и якутскій, но не юкагирскій. Наконецъ сватъ получаетъ согласіе. Тогда начинаются переговоры о количествѣ калыма, о чемъ въ собственно-юкагирскомъ сватовствѣ не можетъ быть и рѣчи. Но съ другой стороны, какъ на остатокъ юкагирскаго семейнаго строя надо смотрѣть на роль старшаго брата невѣсты, къ которому въ извѣстномъ мнѣ сватовствѣ отецъ обратился за совѣтомъ, и на рѣшающее значеніе словъ матери, сказавшей, чтобы свата больше не

мучили. Кромѣ того, какъ пережитокъ обычая перехода жениха въ домъ тестя, рядомъ съ выкупомъ, остался на тундрѣ обычай отслуживанія. Обыкновенно невѣста не сейчасъ переходитъ въ семью жениха, а послѣдній послѣ удачнаго исхода сватовства, нѣсколько лѣтъ служитъ у родныхъ невѣсты. Срокъ службы не бываетъ больше 7 лѣтъ, и тесть довольный зятемъ работникомъ, обыкновенно сбавляетъ количество оленей условленнаго выкупа и увеличиваетъ приданое.

Тундренная свадьба, т. е. переходъ невѣсты въ домъ родителей, бѣдна обрядами, но, по сравненію съ отсутствіемъ въ юкагирскомъ бракѣ какихъ бы

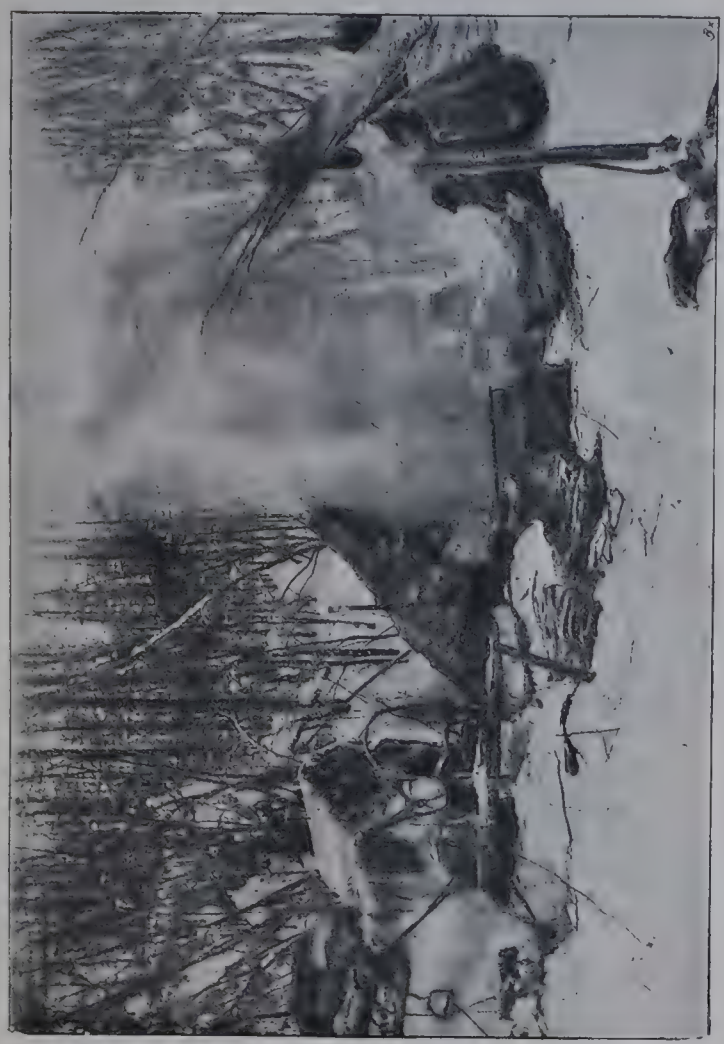
Тундренная свадьба.

то ни было свадебныхъ празднествъ, она является торжественнымъ моментомъ въ однообразной жизни полярнаго кочевника. Разумѣется свадебныя дѣйствія въ этомъ торжествѣ не юкагирскаго происхожденія. Главнымъ образомъ они принесены тунгусами, но символическое значеніе нѣкоторыхъ изъ нихъ теперь, при измѣненіи условій брака, потеряло уже всякій смыслъ. Кромѣ того на то или другое дѣйствіе очевидно повліяли съ одной стороны якутскіе, съ другой— чукотскіе обычаи. Укажу вкратцѣ на главные моменты свадьбы. Передъ переходомъ невѣсты изъ родительскаго дома въ домъ жениха, родня послѣдняго прикочевываетъ со своимъ стойбищемъ близко къ стойбищу родни невѣсты. За невѣстой отправляется одна только сваха—жена свата. Отецъ невѣсты вмѣстѣ съ другими родственниками тогда ловятъ оленей, назначенныхъ для приданаго и запрягаютъ ихъ въ нарты, а женщины укладываютъ на нихъ одежду, хозяйственныя вещи, принадлежности женскихъ работъ и постель. Сверху кладутъ подарки для родственниковъ жениха. Потомъ отецъ невѣсты колетъ оленя, и при переодѣваніи невѣсты, ей мажутъ свѣжей кровью всѣ суставы. Этотъ обрядъ называютъ меріэшумъ т. е. вымываніе или помазаніе. Наружно онъ походитъ

на помазаніе невѣсты жертвенною кровью у чукочъ, но у нихъ это дѣлаютъ въ домѣ родителей жениха, при пріемѣ невѣсты, какъ обрядъ пріобщенія ея къ новому семейному культу. Тутъ надо полагать это имѣетъ значеніе отлученія ея отъ семейнаго культа родителей. Послѣ этого невѣсту передаютъ въ руки свахи, она сажаетъ ее на первую нарту, къ которой привязаны всѣ остальныя и пѣшкомъ уводитъ поѣздъ къ стойбищу жениха. При отправленіи поѣзда, родственники невѣсты стрѣляютъ изъ ружей холостыми зарядами, чтобы прострѣлить глаза злыхъ дьяволовъ, и возвращаются въ урасу. Подъѣхавъ къ урасѣ родителей жениха, сваха три раза обводитъ по солнцу кругомъ дома поѣздъ, отпускаетъ оленей къ стаду, вымазавъ ихъ рога краской изъ отвара ольховой коры, какъ это дѣлаютъ чукчи, и ставитъ нарты полукругомъ у того мѣста урасы, гдѣ внутри помѣстятъ постель невѣсты. Изъ урасы никто не выходитъ на встрѣчу, только молодая дѣвушка поднимаетъ шкуру, служащую дверью, и пропускаетъ въ урасу сваху, ведущую невѣсту за руку. Тутъ невѣста кланяется всѣмъ родственникамъ жениха и ставитъ на очагъ, какъ будущая его жрица, нѣсколько полѣньевъ, а сваха заноситъ и раздаетъ роднѣ жениха подарки. Затѣмъ женихъ со сватомъ, въ сопровожденіи молодыхъ людей, берутъ оленей, назначенныхъ для выкупа и отправляются къ отцу невѣсты. Въ доставленіи выкупа участвуютъ всѣ родственники жениха, какъ въ снаряженіи приданаго всѣ родственники невѣсты. Отецъ невѣсты, принявъ выкупъ, раздаетъ по оленю родственникамъ, а остальныхъ пускаетъ въ свое стадо. Женихъ со сватомъ, по возвращеніи домой, заявляютъ, что выкупъ принятъ. Тогда хозяинъ посылаетъ свата просить родню невѣсты на свадебный пиръ. Во время пиршества женихъ и невѣста отдѣляются за отдѣльный отъ другихъ гостей столъ т. е. имъ кладутъ на шкуры, на которыхъ они сидятъ, отдѣльную доску. Послѣ угощенія раздаютъ подарки родственникамъ невѣсты.

При описаніи сватовства я уже указалъ, какое значеніе имѣютъ всѣ кровные родственники въ рѣшеніи вопроса о выдачѣ замужъ. Тоже самое мы замѣчаемъ и въ свадебныхъ обычаяхъ. Какъ со стороны жениха, такъ и со стороны невѣсты всѣ родственники участвуютъ въ доставленіи предметовъ для подарковъ, оленей для выкупа и для приданаго. Это весьма характерный признакъ для общественныхъ отношеній, основаныхъ на единствѣ крови и обнимаемыхъ понятіемъ родового быта. Остальныя свадебныя дѣйствія ужъ не такъ легко объяснить, и то, что могло бы хоть символически указать на прежній обычай умыканія, приписываемаго тунгусамъ, потерялъ теперь всякій смыслъ, ибо, если раньше у пришлыхъ на тундру тунгусовъ, какъ у другихъ вѣтвей тунгузскаго племени, преобладалъ экзогамическій бракъ, то теперь подъ юкагирскимъ вліяніемъ бракъ сдѣлался преимущественно эндогамическимъ. Значительная часть замужнихъ женщинъ на тундрѣ не только одного рода съ мужемъ, но нерѣдко носятъ одну и туже фамилію, что указываетъ на кровное родство. Изъ опроса мной 41 замужнихъ женщинъ Бетильскаго рода оказалось, что 20 изъ нихъ происходятъ изъ того же рода, а 21 распредѣлены между ламутками. юкагир-

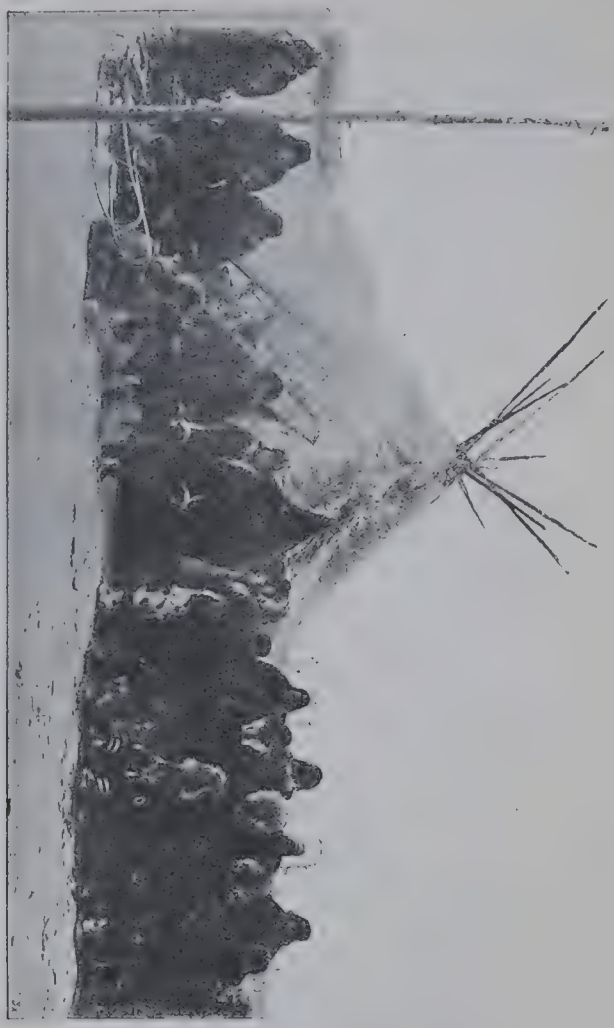
ками и чукчанками. Впрочемъ, только одно свадебное дѣйствіе—обмѣнъ подарками, символически можетъ еще представлять мировую, но мы почти ужъ не видимъ другихъ пережитковъ похищенія. За невѣстой приходитъ одна сваха, а не вооруженный поѣздъ родственниковъ жениха, какъ у якутовъ, родственники невѣсты стрѣляютъ въ злыхъ духовъ, а не въ похитителей, подарки даютъ



Почтъ на снѣгу на берегу р. Коркодона (см. статью: По рр. Ясачной и Коркодону).

раньше родственники невѣсты, а калымъ посылается родней жениха послѣ того, какъ сватьей доставлена имъ невѣста съ приданымъ. Въ якутскомъ бракѣ, въ которомъ есть много слѣдовъ прежняго умыканія, раньше выплачивается калымъ, а потомъ невѣста переходитъ въ домъ жениха. Отдѣленіе же молодыхъ за особый столъ сближаетъ тундренную свадьбу съ якутской, указывая на подчиненную

роль вступающихъ въ бракъ по отношенію къ группѣ лицъ, связанныхъ единствомъ крови. Калымъ, какъ вознагражденіе за убытки роду невѣсты, тоже фактически не существуетъ, ибо отецъ невѣсты и ея родственники тратятъ обыкновенно на приданое больше, чѣмъ калымъ стоитъ. Кромѣ того молодые черезъ годъ послѣ свадьбы объѣзжаютъ родственниковъ невѣсты и получаютъ



назадъ оленей, доставшихся имъ изъ калыма. Этотъ обычай такъ и называется нятмар мэнга т. е. обратно взяли.

Мы видѣли, что во всѣхъ сферахъ тунгусо-юкагирскихъ взаимовліяній въ отношеніи къ языку, быту, обычаямъ и т. д. мы имѣемъ два элемента, изъ которыхъ преобладаетъ юкагирскій, только въ физическомъ типѣ и въ брачныхъ обычаяхъ тунгузскій элементъ выступаетъ рѣзче. Объюкагиреніе же полярнаго

осколка тунгузскаго племени во всѣхъ другихъ отношеніяхъ тѣмъ болѣе достойно вниманія, что культура юкагирскаго племени примитивнѣе, архаичнѣе тунгузской. Если на Ленѣ, Янѣ, въ Туруханскомъ краѣ *) тунгусы ассимилировались съ якутами, то общественная организація и матеріальная и духовная культура послѣднихъ выше тунгузскихъ, здѣсь же ассимиляція тунгусовъ является понижеміемъ ихъ культурнаго типа.

Что касается религіозныхъ воззрѣній, то скажу только въ общемъ, что, несмотря на сходство шаманскихъ религій вообще, очень легко опознть, что духъ юкагирскихъ вѣрованій взялъ верхъ. Особенно интересенъ культъ предковъ, получившій у юкагировъ свое высшее развитіе. Недавнее поклоненіе черепу умершаго представителя рода еще живетъ въ памяти тундрецкихъ обитателей. Мало того, даже къ западу отъ Индигирки, тамъ гдѣ юкагирскіе роды обламутѣли по языку, мы встрѣчаемъ совершенно юкагирскій характеръ вѣрованій.

Даже на р. Янѣ, гдѣ юкагиры успѣли подвергнуться вторичной ассимиляціи, гдѣ они послѣ того какъ обламутились, теперь, вмѣстѣ съ ламутами, вполнѣ ассимилировались съ якутами, еще сохранились преданія о чисто юкагирскомъ культѣ предковъ. Я записалъ тамъ тѣже разсказы, какіе мной были записаны въ верховьяхъ Колымы, на 2500—3000 верстъ къ юго-востоку отъ Яны. Согласно этимъ преданіямъ, умершаго шамана или представителя рода анатомировали люди, одѣтые въ маскахъ и перчаткахъ, чтобы лицо ихъ не видѣло тѣла покойнаго и голыя руки не прикасались къ нему, потомъ при помощи крючковъ и костяныхъ ножей они снимали и счищали съ костей мясо. Послѣднее вялили на солнцѣ, чтобы оно не гнило и клали въ гробницы, поставленныя на высокихъ деревьяхъ или столбахъ, или вмѣстѣ съ собачьими жертвами оставляли въ тальничной урасѣ, а кости дѣлили между всѣми членами рода, носившими ихъ съ собой, какъ амулеты, и вопрошавшими ихъ во всѣхъ трудныхъ случаяхъ жизни. Черепъ же получалъ старшій въ родѣ. Поставленному на деревянный чурбанъ и одѣтому въ лучшую одежду, черепу воздавали божескія почести, приносили жертвы и называли хоіль т. е. тѣмъ же именемъ, какимъ нынѣ называютъ христіанскаго Бога **). Въ устьѣ Яны мнѣ передавали, что тамъ и засушеное мясо покойниковъ носили въ кожаныхъ мѣшочкахъ въ качествѣ амулетовъ. Устьянскій священникъ мнѣ говорилъ, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ онъ еще нашелъ такой амулетъ у одного омолойскаго юкагира.

*) Я полагаю, что Долгане тоже объякутѣвшіе тунгусы или якуто-тунгусскіе метисы.

**) Весьма интересно указать на то, что, вскрывая и препарируя покойниковъ, юкагиры сдѣлались хорошими анатомами. Они знали всѣ кости скелета, положеніе внутреннихъ органовъ и въ извѣстной степени ихъ отправленія. Мало того по названіямъ въ языкѣ кровеносныхъ сосудовъ и сердца можно было бы подумать, что, если древніе юкагиры не предупредили открытіе Гарвея, то по крайней мѣрѣ имъ было знакомо, что кровь движется по тѣлу и направляется отъ сердца по сосудамъ. Кровеносные сосуды юкагиры называютъ лäпун-чуго т. е. кровяныя дороги и артеріи въ отличіе отъ вены называютъ äджун-лäпун-чуго, т. е. живая кровяная дорога. Сердце же они называютъ ч у г о д ж ä или чуботжä, что означаетъ—бѣгъ, движеніе или—я бѣгу, я двигаю. Бьющійся пульсъ—јуку-чуботжä т. е. маленькое сердце.

Чтобы закончить свой докладъ о бродячихъ родахъ тундры необходимо, прибавить кое что объ ихъ отношеніяхъ съ одной стороны къ якутамъ, съ другой къ чукчамъ. Духовное вліяніе якутовъ на эти роды выражается въ томъ, что по якутски они всѣ говорятъ, какъ по юкагирски. Въ Якутской области якутскій языкъ является международнымъ языкомъ. Но физически якуты рѣдко смѣшиваются съ тундренными людьми. Въ числѣ замужнихъ женщинъ на тундрѣ я не нашелъ ни одной якутки точно также якуты рѣдко берутъ тундренныхъ дѣвушекъ.

Чукча съ чукчанкой съ восточнаго берега р. Колымы.

На сѣверѣ Колымскаго округа якуты, какъ ни жалка ихъ жизнь, все-таки сохранили сознаніе своего культурнаго превосходства надъ бродячими племенами. Есть нѣсколько примѣровъ, что тундренные бродячіе люди поселились въ лѣсу около якутовъ и обзавелись скотомъ, но я не знаю примѣра, чтобы якутъ совершенно вышелъ на тундру—куда между прочимъ отдѣльные промышленники выходятъ зимой для промысла песцовъ и лѣтомъ—озерныхъ рыбъ,—и зажили бродячей жизнью юкагиро-тунгуса. Обладаніе извѣстнымъ количествомъ оленей, которыхъ нѣкоторые богатые якуты Колымскаго округа держатъ для содержанія почтовыхъ станцій, или для перевозки клади купцовъ, нисколько не мѣняетъ ихъ образа жизни. Пастухами къ оленямъ у нихъ служатъ главнымъ образомъ тунгусы. Другое дѣло якуты сѣвера Верхоянскаго округа между Ни-

дигиркой и Леной. Тамъ они лишились рогатаго скота, сдѣлались оленеводами или, по близости отъ моря, собаководами, но надо замѣтить, что они выработали тамъ своеобразный типъ оленеводства. Вернувшись къ Колымскимъ якутамъ, мы съ другой стороны можемъ утверждать, что не только климатическія условія повліяли на измѣненіе типа хозяйства, сравнительно съ хозяйственнымъ бы-

Хозяйство якута-оленевода, въ низовьяхъ р. Лены.

томъ южныхъ якутовъ, но что, несмотря на ихъ способность ассимилировать другія племена, сами они не ушли отъ вліянія древнихъ обитателей края, юкагировъ. И ихъ обычаи и вѣрованія получили во многихъ отношеніяхъ юкагирскую окраску. Приведу два примѣра. Изъ литературы о якутахъ извѣстенъ экзогамическій характеръ ихъ брака, а у притундренныхъ якутовъ, по собран-

нымъ мной даннымъ, большинство браковъ совершается не только внутри наслега (административная единица, обнимающая большее или меньшее количество родовъ), но и между однофамильцами, что̀ указываетъ на ихъ кровное родство. Большинство притундренныхъ якутовъ не знало названія рода, отъ котораго они происходятъ. Вопросъ этотъ ихъ теперь уже не интерссуетъ. Только по архивнымъ бумагамъ старыхъ ревизскихъ сказокъ, я собралъ свѣдѣнія о количествѣ родовъ въ каждомъ наслегѣ, объ ихъ названіяхъ и о томъ, изъ какого именно рода происходятъ опрошенные мной якуты. Этимъ объясняется, почему г. Сѣрошевскій въ своемъ трудѣ о якутахъ для полярныхъ якутовъ слилъ понятіе наслегъ и родъ, отмѣтивъ въ каждомъ наслегѣ только одинъ родъ. Нерѣдки также тамъ сожительства въ такихъ степеняхъ родства, которыя не могутъ быть освящены церковью.

Якутки края лѣсовъ въ праздничныхъ костюмахъ.

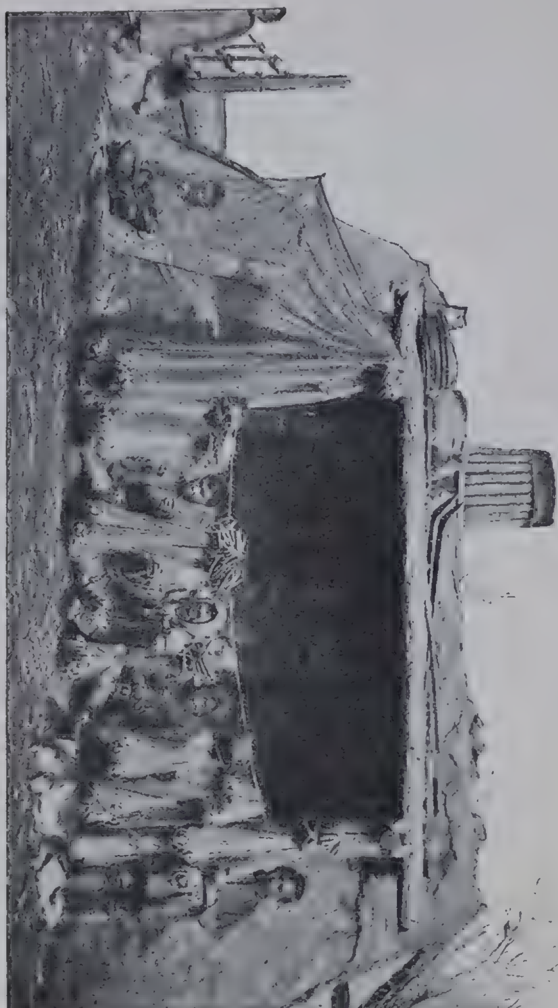
Другой примѣръ возьмемъ изъ религіозныхъ воззрѣній. Въ этнографіи извѣстенъ мрачный характеръ якутской демонологіи. У якутовъ не только различные демоны (абасы) по природѣ ѣдятъ людей, причиняютъ имъ болѣзнь и смерть, но и души умершихъ родственниковъ, главнымъ образомъ шамановъ, превращаются послѣ смерти нерѣдко въ демоновъ, именуемыхъ ӱрӱ'ами, пи-

тающихся человѣческими душами. Поэтому якуты питаютъ такой страхъ передъ всѣмъ тѣмъ, что̀ имѣетъ отношеніе къ покойнику, и посѣщеніе его духомъ жилищъ считается нежелательнымъ и опаснымъ. Другое дѣло у юкагировъ. Ихъ демонологія мягче. Души покойниковъ добрые благодѣтельные геніи для рода Тѣни предковъ живутъ въ подземномъ царствѣ тѣней (Аібідзі) настоящей идиллической жизнью. Переправляются души въ царство тѣней черезъ рѣку, на которой стоитъ готовый челнокъ, но безъ лодочника Харона. Только входъ въ подземное царство охраняется старухой съ собачкой. Въ царствѣ тѣней души живутъ родами точно также, какъ на землѣ ихъ живые родственники; тѣни вновь умершихъ присоединяются къ душамъ своихъ предковъ. Тѣни ведутъ такой же образъ жизни, какъ ихъ надземные родственники, но промышляютъ не матеріальныхъ оленей, лосей и рыбъ, а тѣни послѣднихъ. Тѣни умершихъ родственниковъ несутъ заботу о живыхъ. Между живущими и мертвыми членами рода существуетъ постоянная связь, отъ которой зависитъ самая жизнь и питаніе живущихъ, ибо прежде чѣмъ матеріальный человѣкъ убиваетъ лося или оленя, духъ его родственника предварительно долженъ убить тѣнь обреченнаго на смерть животнаго, иначе оно не дастся охотнику. Тѣни умершихъ являются покровителями рода, и входъ тѣни умершаго въ новорожденнаго считается особымъ благоволеніемъ и счастіемъ для ребенка. По большей части въ новорожденныхъ входятъ не случайныя души, а возобновляющія земную жизнь тѣни умершихъ родственниковъ. Въ такихъ случаяхъ ребенокъ наружно похожъ на умершаго родственника, и когда онъ начинаетъ говорить, онъ прежде всего объявляетъ, какая душа въ немъ поселилась. Въ старину тогда только ребенокъ получалъ имя, и именно имя умершаго родственника. Теперь же дѣти получаютъ имена при крещеніи, но крестное имя съ моментомъ установленія личности тѣни, поселившейся въ ребенкѣ, замѣняется именемъ этой тѣни. Поэтому многіе юкагиры, которыхъ зовутъ Иванами, Петрами, записаны въ метрикахъ Михаилами, Васильями. Этотъ же обычай заимствовали отъ юкагировъ и колымчане русскіе, но что еще интереснѣе, я нашелъ его у якутовъ. Ночуя разъ у князца Кангалласскаго наслега, я былъ удивленъ тѣмъ, что онъ назвалъ своего сына Уйбанъ (Иванъ). Изъ переписи я зналъ, что мальчикъ числится Павломъ (Байбалъ). «Почему ты зовешь сына чужимъ именемъ», спросилъ я его. «Э, отвѣтилъ онъ, это имя нашего родственника, умершаго въ оспенный годъ». Оказалось, что способность рѣчи открылась у ребенка слѣдующимъ монологомъ: «Много насъ было на Джаргатахѣ (урочище въ притундренной полосѣ), всѣ умерли и только на одной лошади уѣхали». Такъ говорила въ немъ поселившаяся душа родственника «уру – куга».

Дѣло тутъ было въ томъ, что въ оспу 1884 г. умеръ ихъ родственникъ Иванъ, состоятельный якутъ, на его могилѣ закололи по обычаю коня. Въ это же время умерло нѣсколько бѣдныхъ якутовъ, на могилѣ которыхъ не были заколоты лошади. Такимъ образомъ всѣ бѣдныя души усопшихъ должны были

совершить трудный и утомительный путь въ подземное царство на тѣни одной только лошади.

Обратившись теперь къ чукчамъ, мы увидимъ, что ихъ отношенія къ тундреннымъ родамъ интереснѣе якутскихъ и связь ихъ съ ними древнѣе.



Якутскіе рыбаки края лѣсовъ вяжутъ сѣти изъ конскихъ волосъ передъ входомъ въ юрту.

У бродячихъ родовъ западной тундры сохранилось не мало преданій о древнемъ пребываніи чукочъ къ западу отъ Колымы; на это указываетъ также названіе рѣки Большой Чукочьей.

Согласно упомянутымъ же преданіямъ, Алаи, т. е. тундренные юкагиры, воевали съ чукчами, между тѣмъ, какъ у обрусѣвшихъ Омолонскихъ, такъ и у Верхнеколымскихъ юкагировъ я записалъ вполнѣ тождественныя преданія о томъ, что юкагиры съ чукчами не воевали, ибо считались родными братьями, послѣ взаимнаго убійства которыхъ солнце должно было померкнуть. Имѣются

на тундрѣ и матеріальныя указанія на древнее пребываніе тамъ оленнаго племени — въ остаткахъ жертвенныхъ кучъ оленьихъ роговъ, складываемыхъ чукчами въ весенній праздникъ роговъ и на могильникахъ; бродячіе жители тундры приписываютъ ихъ чукчамъ, но г. Богоразъ полагаетъ, что это есть слѣды вымершаго племени чаачеповъ, служившаго связывающимъ звеномъ между двумя древними племенами края, собаководами юкагирами и оленеводами чукчами. Но кто бы ни были древніе оленные люди тундры, въ новѣйшее время чукчи впервые появились къ востоку отъ Колымы недавно. По даннымъ, почерпнутыхъ мной въ Нижнеколымскомъ архивѣ, въ первый разъ чукчи обратились съ просьбой позволить имъ перейти со стадами на лѣвый берегъ Колымы къ ревизовавшему округъ чиновнику Шевелеву въ 1857 г. Тогда же нѣкоторые чукчи были привлечены къ платежу ясака. Баронъ Майдель приписываетъ себѣ починъ въ дѣлѣ перехода на западный берегъ Колымы и первой попытки обложенія чукочъ, что относится къ 1869 г. Какъ бы то ни было, чукчи, съ вѣдома представителей русской власти, появились на западной тундрѣ въ началѣ второй половины текущаго столѣтія.

Въ 70-хъ годахъ вся тундра была полна чукотскими стойбищами. Многіе чукчи перешли р. Алазею и появились не далеко отъ Индигирки, уже въ предѣлахъ Верхоянскаго округа. Надо замѣтить, что совершенно неправильно считаютъ р. Алазею границей между Колымскимъ и Верхоянскимъ округами. Не говоря уже о чукчахъ, значительная часть Колымскихъ якутовъ живетъ къ западу отъ р. Алазеи. Оспа 1884 года скосила около половины чукочъ западной тундры. Многіе изъ богатыхъ чукочъ обѣднѣли, оставшись почти безъ оленей. Съ одной стороны ихъ объѣдали вѣчно голодные тундренные тунгусы и юкагиры, а съ другой стороны разоряли русскіе и якутскіе торговцы водкой и другими соблазнами. Многіе чукчи поэтому поспѣшили убраться отъ новыхъ друзей назадъ, къ востоку отъ Колымы. Во время моего проѣзда по тундрѣ съ Колымы на Индигирку около 30-ти чукотскихъ лагерей были главнымъ образомъ расположены на морскомъ берегу въ устьяхъ всѣхъ рѣкъ къ западу отъ Колымы до Шадрона. Это оленные люди, но зимой промышляютъ также тюленей. За отсутствіемъ лѣса они пользуются для топлива плавникомъ. Нѣкоторое количество чукотскихъ лагерей тундры откочевываютъ на зиму къ лѣсамъ восточнаго берега Колымы, около устья Омолона. Три чукотскихъ стойбища я во время своего проѣзда засталъ на среднемъ теченіи Алазеи, а 9 лагерей на р. Іерченъ, притокѣ Индигирки. Къ западу отъ Колымы это самые богатые чукчи, обладатели стадъ въ 3000—5000 оленей. Это также самые западные чукчи. Зимой они живутъ въ долинѣ рѣки Іерченъ, недалеко отъ устья котораго начинается лѣсъ, а лѣтомъ поднимаются къ сѣверу, въ сторону Шадрона и Алазеи. Между стойбищами Іерченскихъ чукочъ и послѣдними жительствами якутовъ Колымскаго округа съ одной стороны и якутскими семействами на Индигиркѣ съ другой, лежитъ необитаемая гористая тундра разстояніемъ съ обѣихъ сторонъ въ 200—250 верстъ. Путь къ этимъ чукчамъ ле-

житъ какъ со стороны Алазеи, такъ и со стороны Индигирки по отрогамъ хребта, который служитъ водораздѣломъ этихъ рѣкъ и главная ось котораго

Типы чукочъ съ рѣки Іерченъ (профиль).

тянется діагональю между среднимъ теченіемъ Индигирки и нижнимъ Алазеи. Мѣстность состоитъ изъ голыхъ отроговъ, лишенныхъ растительности. Только

Типы чукочъ съ рѣки Іерченъ (фасъ).

на нѣкоторыхъ сопкахъ и по берегамъ рѣчекъ торчатъ одиноко отдѣльныя уродливыя лиственницы. Дороги нѣтъ, ибо тамъ господствуютъ постоянные вѣтры,

которые заносятъ всякій слѣдъ. Безъ опытнаго проводника тамъ ѣхать не совѣтуютъ. По хребтамъ легко заблудиться, а когда настигаетъ пурга, то приходится лежать подъ снѣжнымъ заносомъ, пока она не прекратится. Все это нисколько не мѣшаетъ пилигримству со всѣхъ сторонъ юкагировъ, тунгусовъ и ламутовъ къ чукотскимъ оленямъ. Кругомъ чукотскихъ стойбищъ раскинуты жалкіе кожаные шатры голоднаго бродячаго люда, выжидающаго подачекъ, выпрашивающаго въ долгъ оленьяго мяса или предлагающаго себя въ пастухи. Съ самыхъ верховьевъ Индигирки приходятъ «каменные» ламуты, чтобы сдѣлаться пастухами чукотскихъ оленей. Когда я проходилъ черезъ этотъ хребетъ, направляясь къ чукчамъ, у меня вдругъ оказалось столько спутниковъ: ламутовъ, тунгусовъ и юкагировъ, что поѣздъ мой былъ похожъ на переселеніе

Виды горнстой тундры.

цѣлаго племени. Это все были спутники приживальщики, присоединившіеся къ намъ подъ предлогомъ быть полезными въ качествѣ проводниковъ, но съ разсчетомъ, что на ночевкахъ я ихъ не обдѣлю чаемъ и сухарями, а мои возчики чукчи—мясомъ.

Чукчи, переселившись на западъ отъ Колымы, съ одной стороны внесли новую струю не только въ матеріальный бытъ другихъ бродячихъ родовъ, но и въ ихъ нравы, обычаи и брачныя отношенія, съ другой стороны сами перенимаютъ многое отъ другихъ племенъ.

На матеріальный бытъ тундреннаго населенія переселеніе чукчей повліяло въ общемъ неблагопріятно. Во-первыхъ первобытная готовность богатыхъ оленеводовъ убивать оленей, для людей нуждающихся въ пищѣ, отвлекала безпечнаго охотника отъ промысла. Во-вторыхъ конфликтъ между хозяйственными расчетами оленеводческой экономіи и обычаемъ гостепріимства и ненасытностью просителей долженъ былъ разрѣшиться кризисомъ. Одни чукчи обѣднѣли, другіе переселились на востокъ, третьи перестали давать даромъ оленей, а тундренное

молодое поколѣніе отвыкло отъ охоты. Старики говорятъ, что нынѣшніе молодые люди научились быть пастухами чужихъ оленей, но стали плохими промышленниками.

Кромѣ того чукотскій домашній олень захватомъ кормовищъ, вытѣснилъ полевого. Тунгусы говорятъ, что дикій олень убѣжалъ отъ домашняго, какъ послѣ пала, и ушелъ на острова. Въ промыслѣ песцовъ молодые чукчи начинаютъ конкурировать съ другими бродячими людьми.

Мой переѣздъ съ р. Алазеи на р. Іерченъ. Чукчи-ямщики собираютъ утромъ на почлегѣ оленей, чтобы отправиться въ дальнѣйшій путь.

Съ другой стороны, у чукочъ, въ особенности у Іерченскихъ, тоже произошли измѣненія въ хозяйствѣ. Тунгузскій олень, какъ ѣздовой и болѣе ручной, цѣнится значительно больше чукотскаго. Чукчи Іерченскіе, при помощи подбора, совершенно измѣнили первоначальную расу своихъ оленей. Они научились промышлять сѣтями на озерахъ рыбу и подобно ламутамъ стали ѣздить также на оленяхъ верхомъ.

Извѣстно, что примитивныя религіи весьма легко включаютъ въ свой пантеонъ на правахъ божествъ духовъ, которыхъ почитаютъ сосѣдніе народы. Такимъ же образомъ изъ терпимаго отношенія первобытныхъ племенъ къ обычаямъ и обрядамъ другъ друга возникаютъ заимствованія. Но болѣе всего располагаютъ къ нимъ брачные союзы. Значительная часть женъ западныхъ чукочъ состоятъ изъ ламутокъ, тунгусокъ и юкагирокъ, а въ тундренныхъ родахъ уже встрѣчаемъ чукчанокъ. Чукча, пріобрѣтая куплей тунгуску, подчиняется всѣмъ описаннымъ выше обычаямъ сватовства и брачнымъ обрядамъ. Онъ даже первые дни послѣ прибытія невѣсты въ его домъ носитъ вышитый тунгусо-юкагирскій костюмъ, привозимый въ числѣ приданаго невѣстой. Старикъ чукча Арара самымъ уморительнымъ образомъ разсказывалъ мнѣ, какъ онъ послѣ женитьбы на тунгускѣ носилъ 3 дня тунгузскій расходящійся кафтанъ и все думалъ, что брюхо у него вылетитъ *). Но тунгуски или юка-

*) Тунгусо-юкагирская верхняя одежда состоитъ изъ кафтана съ расходящимися полами, а чукотская—изъ глухихъ мѣховыхъ рубахъ.

гирки, перейдя въ домъ чукчи, должны одѣть чукотскій костюмъ, мѣнять образъ жизни и подчиняться требованіямъ чукотскаго поліандро-полигамическаго

Чукчанки съ р. Іерченъ (фасъ).

брака, названнаго г. Богоразомъ перемѣннымъ бракомъ и заключающагося въ

Чукчанки съ р. Іерченъ (профиль).

томъ, что люди, состоящіе въ такомъ союзѣ, имѣютъ взаимное право на ложе

своихъ женъ. Я спросилъ одного почетнаго тунгуса, сестра котораго передъ этимъ была отдана чукчамъ, будетъ ли его сестра жить со смѣнными товарищами мужа. «Поневолѣ будетъ, если мужъ прикажетъ», отвѣтилъ онъ. Извѣстны случаи подчиненія этому обычаю русскихъ женщинъ, вышедшихъ за чукочъ, только якутки питаютъ такой страхъ передъ дикими нравами, образомъ жизни и брачными обычаями чукочъ, что я не знаю ни одного случая перехода якутской женщины въ чукотское стойбище. Я видѣлъ на урочищѣ Сенкель якутскую дѣвушку, проданную было ея дядей чукчамъ за 30 оленей, но, привезенная въ чукотскій лагерь, она сопротивлялась совершенію обряда пріобщенія ея къ семейному культу т. е. помазанію жертвенной кровью, си-

Группа Іерченскихъ чукочъ.

дѣла безъ сна, безпрестанно рыдая, такъ что чукчи рѣшили ее вывезти обратно къ якутамъ. Разумѣется своихъ оленей они отъ якутовъ обратно уже не получили.

Съ другой стороны тунгусо-юкагиры нерѣдко въ качествѣ пріемныхъ зятей отрабатываютъ у чукочъ какъ Іаковъ у Лавана, а случаи, что они состоятъ съ чукчами въ союзѣ перемѣннаго брака, довольно часты.

Впрочемъ группа западныхъ чукочъ довольно быстро ассимилируется со своими новыми сосѣдями. Они оказываются способными къ усвоеніямъ другихъ языковъ. Молодое поколѣніе говоритъ хорошо по ламутски, а нѣкоторые чукчи знаютъ по юкагирски и по якутски.

Нравы и обычаи ихъ значительно смягчились. Вмѣсто того, чтобы жечь или бросать мертвецовъ на съѣденіе песцамъ, они уже начинаютъ хоронить своихъ покойниковъ въ землѣ. Стариковъ и старухъ уже не убиваютъ. Лѣтъ пять тому назадъ на Алазеѣ еще задавили чукчу Эчейвуке ремнемъ его два

сына, по его собственной просьбѣ. Съ тѣхъ поръ не слышно больше объ исполненіи этого обычая. Можно думать, что черезъ короткое время западные чукчи войдутъ какъ одинъ изъ этническихъ элементовъ, изъ которыхъ состоятъ бродячіе роды и придадутъ имъ новую окраску.

Если нѣсколько десятковъ лѣтъ достаточно для того, чтобы взаимодѣйствіе разнородныхъ племенъ произвело новыя отношенія и смѣшеніе обычаевъ, то нѣсколько сотенъ лѣтъ тамъ могутъ повести къ коренному измѣненію типа. Первобытныя племена, какъ простѣйшіе организмы, весьма мало устойчивы. Два съ половиной вѣка, протекшіе между завоеваніемъ крайняго сѣверо-востока и нынѣшнимъ временемъ, несомнѣнно произвели глубокія измѣненія въ бытѣ и типѣ населенія. Съ тѣхъ поръ не только отдѣльные роды, но и цѣлыя племена вымерли, или растворились въ крови другихъ народностей. Такъ на краю исчезновенія находятся теперь два тундренныхъ юкагирскихъ рода. Какъ интересно было бы знать, что представляло собой населеніе тундры во время прихода на нее русскихъ въ 17 вѣкѣ!

Къ сожалѣнію первые завоеватели не интересовались этнографіей, и всѣ свѣдѣнія, которыя мы находимъ къ ихъ донесеніяхъ, касаются количества собранныхъ въ ясакъ мѣховъ и въ лучшемъ случаѣ приводятся, и то не всегда вѣрно, имена вновь обложенныхъ племенъ.

Вл. Іохельсонъ.

1р 50к.

БИБЛИОТЕКА
ХАБАРОВСК. КРАЕВОГО
ГОС. МУЗЕЯ.

КРАЕВАЯ НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА